

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Slav
776
25

Руси - мини - на святой

1862

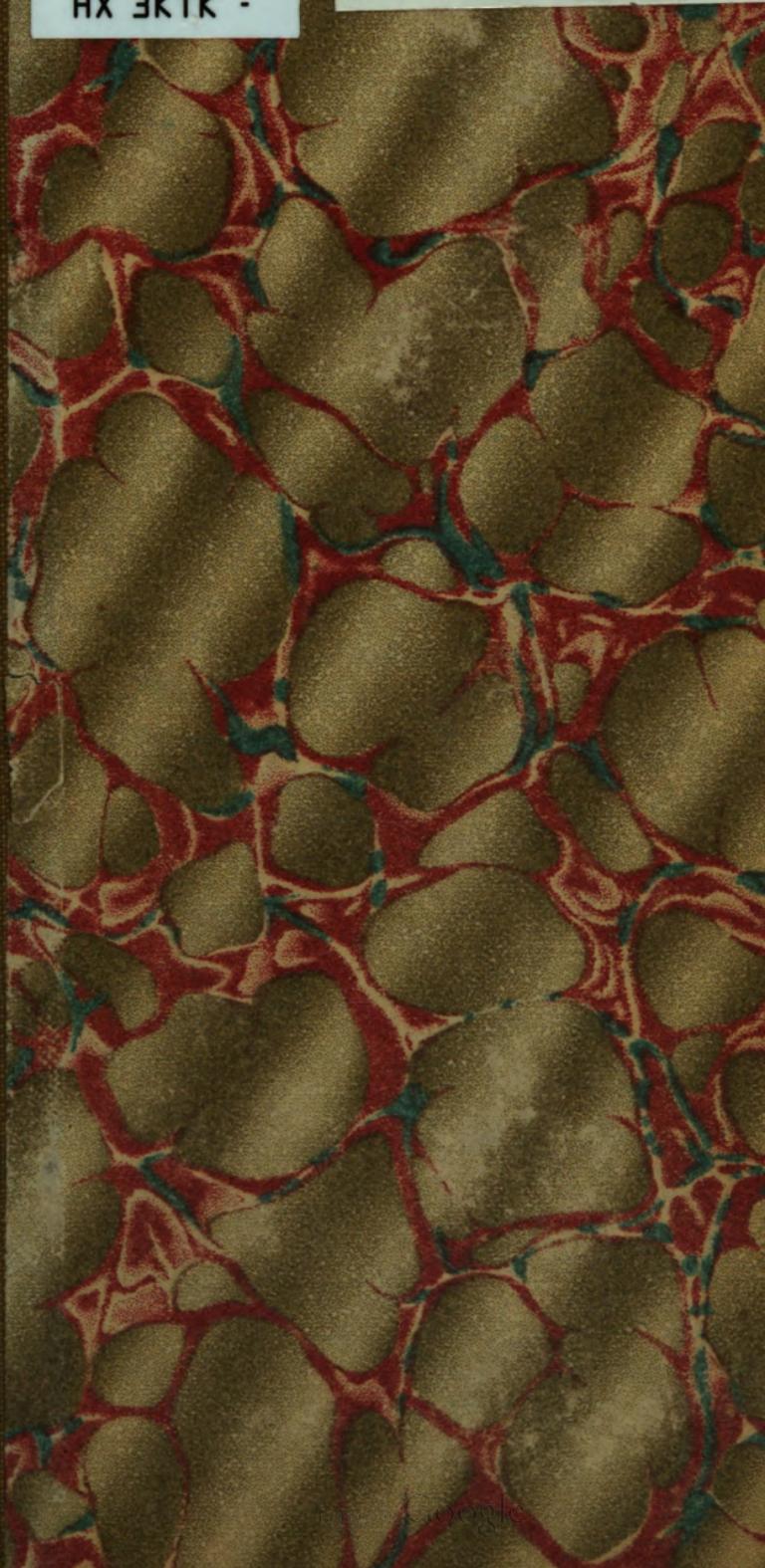
WIDENER LIBRARY

Х ЭКТК -

3 2044 014 105 100

Slav 776.25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

Сочинение

НИЩЕ НА СВЯТОЙ РУСИ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И НАРОДНОГО
БЫТА ВЪ РОССІИ.

Соч. И. Прыжова.

МОСКВА.

1862.

НИЩЕ
НА СВЯТОЙ РУСИ.

НИЩЕ

СВОДНЫЙ СБОРНИК

СОЛДАТСКОГО

НА СВЯТОЙ РУСИ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И НАРОДНОГО
БЫТА ВЪ РОССИИ.

Соч. И. Прыжова.

МОСКАВА.

Въ типографіи М. И. Смирновой,
на Никольской ул., домъ № 10.

1862.

Slav 776. 25

**HARVARD COLLEGE LIBRARY,
MINOT FUND**

OCT 17 1924

Одобрено цензурою. Москва, 23 Апрѣля
1862 года.

НИЩІЕ НА СВЯТОЙ РУСІ.

«Древняя Русь неразрывно соединена съ нашимъ настоящимъ [и будущимъ] соединена тою живою связью, какою соединенъ корень съ вѣтвями дерева.

Иные скажутъ: «древняя Русь отжила свой вѣкъ, прошла». — **Нетъ**, если бы это было такъ, то это значило бы, что Россія отжила свой вѣкъ.

«Но отбросила свой прежній путь, путь древней Руси. Итакъ, древняя Русь прошла, повторять наизъ.

Нетъ, не прошла древняя Русь и путь прежній не брошенъ.»

Иванъ Аксаковъ. Молва. 1857. 7.

I.

Нищими на святой Руси называется сословіе людей, ничего не дѣлающихъ и промышляющихъ сборомъ подаяній Христа ради. Бѣдность всегда жила рядомъ съ богатствомъ; бѣдность покуда составляетъ необходимую принадлежность всякаго человѣческаго общества; но нищихъ, существованіе которыхъ обусловливается извѣстною ступенью вѣрованій, въ древнемъ мірѣ не было: нищіе — средневѣковое явленіе.

Въ лучшія времена греческой жизни, среди изящнаго античнаго міра, ницій, т. е. существо, одѣтое въ рубашце и почитаемое за что-то, былъ немыслимъ; его существованіе было противно самой организаціи тогдашняго общества. «Въ лучшія времена Аѳинъ, свидѣтельствуетъ Бекъ (Boeck), имущество такъ было раздѣлено, что большая часть гражданъ имѣла только необходимое; ни одного не было столь бѣднаго, чтобы онъ позорилъ городъ сборомъ подаяній» (*Staatshaushaltung der Athener.* II. 19). Но въ эпоху паденія древнаго міра и въ Греціи даже стали являться нищіе, жившіе подаяніями во имя божества. По городамъ, селамъ и деревнямъ Греціи, говорить въ извѣстномъ сочиненіи, Чирнеръ (*Tischirner*), буждали люди, «которые ничѣмъ не занимались (*keinen Stützpunkt in der bürgerlichen Gesellschaft hatten*), жили одной милостыней. Они носили съ собой изображенія спрійской богини, давали представленія, и собирали за нихъ оболы и драхмы, фиги и сыръ, и другія подаянія (I, 413).

Съ переходомъ христианства въ Европу,

явилось и учение о нищихъ; явились тунеядцы — нищие, и стали они требовать себѣ, во имя Христя, подаяній. Едва успѣла возникнуть Византія, какъ уже всѣ ея улицы были наполнены нищими. И когда съ одной стороны Феодосій и Юстиніанъ бичевали ихъ декретами, въ то время, съ другой, они дѣлались *res divina*, и номоканоны опредѣляли, что «богатымъ сребро даруетъ Богъ нищихъ ради». Скоро Византіи потребовалось такое количество милостыни, что она сталаѣздить за ней на Русь, породнившуюся съ нею духовнымъ родствомъ. Уже съ этихъ поръ понятіе о милостынѣ окружается религіознымъ ореоломъ, становится дѣломъ братства о Христѣ Іисусѣ. Хожденія Греческихъ клериковъ для сбора милостыни и жертвоприношеній особенно усиливаются со временемъ взятія Константинаopolia Турками. При учрежденіи патріархества въ Россіи Константинопольскій патріархъ между условіями поставилъ и то, что русскій патріархъ въ известные сроки будетъ высыпать ему 500 червонцевъ (Архивъ Калачова т. 2 ч. I. стр. 26). «Греческимъ властемъ», пишетъ Котошихинъ,

патріархомъ, митрополитомъ, епископомъ, архимандритомъ и игуменомъ и келаремъ и простымъ чернцомъ, которые пріѣзжають для милостыни, дается на церковное строеніе» (гл. VI, стр. 60). И на западѣ также нищенство однихъ скоро обратилось въ средство для спасенія другихъ, и папа Левъ XII приказывалъ имѣть нѣкоторое число нищихъ для того, чтобы люди не позабыли заповѣди о милостыни. Нашлись такие благочестивые, которые цѣлью своей жизни сдѣлали нищенство, побирошество; изъ нихъ образовалось общество нищенствующихъ монаховъ (*mendicantи*); положение ихъ было утверждено церковными постановленіями. Нищенствующіе монахи не должны были имѣть никакой собственности, жили добровольными подаяніями, за сборомъ которыхъ они ходили по городамъ, селамъ и деревнямъ. Въ XIII вѣкѣ они организовались въ нищенскіе монашеские ордена (*Bettelorden*), и благодатный югъ Европы на долго сдѣлался страною нищихъ. До Гарибальди у Римскаго папы, въ числѣ 60,000 духовныхъ лицъ, считалось 25,000 нищенствующей братии, ко-

торая ежегодно сбирала съ Римскаго народа до 1,825,000 скудій. Но въ томъ мірѣ, гдѣ развивалось просвѣщеніе, такое положеніе дѣль давно ужъ сдѣлалось преступнымъ, и однимъ изъ криковъ возникавшаго протестантізма было: *plus de moines mendiants* (L. Bl. 1, 22)!

Нищенство на Руси было одною изъ силь, разъѣдавшихъ народный организмъ, было однимъ изъ дикихъ явлений, получившихъ жизнь еще при началѣ нашего государства *).

*) По странному невниманію нашей, такъ называемой, исторической литературы къ народному и общественному быту Россіи, до сихъ поръ не нашлось еще ни одного изслѣдователя, который бы удостоилъ своимъ вниманіемъ нищихъ. Многие, кажется, не подозрѣвали и самаго существованія нищихъ въ русской исторіи. Въ ключѣ къ исторіи государства Россійского вы найдете чуть не весь русскій словарь, исключая слово «нищий»: его у Карамзина будто бы не оказалось. (См. Ключъ къ И. Г. Р. Строва. М. 1836 и испрavl. къ изд. Эйнерлинга. Спб. 1844). Журнальная литература послѣдняго времени первая подаетъ голосъ о нищихъ и бѣется надъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса о нихъ, котораго иначе разрѣшить не льзя, какъ на исторической почвѣ. Укажемъ на болѣе замѣтныя статьи по этому предмету.

II.

Русские нищие раздѣляются на не сколько классовъ, имѣютъ не сколько подраздѣлений. Чтобы разсмотрѣть ихъ и понять, мы для этого обратимся къ древнѣйшему понятію на-

О нищенствѣ, Н. И. Костомарова. *Арх. Калачова*, кн. 4, III, 34—38 и его сочиненіе «о нравахъ и обычаяхъ великорусского народа» Спб. 1861 стр. 208—210.

О нищенствѣ и разныхъ видахъ благотворительности, Н. И. Бочечкарова. *Арх. Калачова* 1859, кн. 3, V.

Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе, П. А. Муллова. *Тамъ же*.

Мысли объ общественной благотворительности, А. Забѣлин. *Журн. Землевладельцевъ Авг.* 1858, № 8.

Несколько словъ объ уменьшениіи нищенства. *Разсевѣтъ* 1860, № 17.

О нищенствѣ. *Русский Дневникъ* 1859, № 123.

Образчикъ современного благотворенія. С. *Петербургскія Вѣdomости* 1859, № 178.

Нищенство и благотворительность въ провинціи. *Московскія Вѣdomости* 1860, № 2, 4 и 24.

Нищенство и благотворительность. М. Курбаниовскаго. *Современникъ* 1860, IX, V, 249.

О истребленіи въ Москвѣ нищихъ. Чт. О. И. и Др. 1861. II.

рода о нищихъ; посмотримъ на древній образъ нищаго, именно на нищаго пѣща, и отсюда будемъ спускаться все ниже и ниже, къ каликѣмъ перехожимъ, къ обыкновенныемъ нищимъ и такъ далѣе. Калики были нищими высшаго разряда, и на нихъ-то мы по преимуществу остановимся. Остановимся на каликахъ, чтобы посмотреть, сколько въ нихъ истинно народнаго, потому что, выросши изъ народной почвы, они необходимо должны были нести въ свой міръ нѣкоторыя народныя черты.

Природа, творя человѣка, творила цѣльное существо, способное развиваться всеми своими сторонами. И вотъ, на основаніи такого закона, мы, при входѣ въ исторію, встрѣчаемъ человѣческую личность, именно въ такомъ полномъ и цѣльномъ образѣ, и притомъ со стороны са-

Общія отмѣтки по Срѣтенской Части касательно бѣдныхъ. Чт. О. И. и Др. 1861. I.

Проектъ положенія о нищихъ, написанный по порученію Министра Внутреннихъ дѣлъ въ 1829 году. Чт. И. О. И. и Др. 1860. З.

Объ уменьшениіи нищихъ въ Россіи, соч. В. М. *ibid.*

Ниціе. *Оберточный Журнал.* 1860, № 45.

мой светлой, въ образѣ поэтическомъ. Общество тогда еще не было раздѣлено на классы, гдѣ напримѣрь, одному назначено заниматься литературой, а другому пахать землю на литераторовъ, — тогда всякий человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, любилъ поэзію и былъ поэтомъ, только въ силу своего человѣческаго достоинства. Поэтическія пѣсни сопровождали человѣка на каждомъ шагу его жизни и особенно во время отдыха отъ трудовъ, и во время религіозныхъ и народныхъ торжествъ. Такъ мы знаемъ, на древнихъ пирахъ Индусовъ пѣвались великолѣпные стихи Рамаяны и Магабгараты. И наши предки, выйдя изъ своей Арийской прародины, вынесли съ собою запасъ поэтическихъ воспоминаній и поэтовъ, которые съ тѣхъ поръ сдѣлялись существенною принадлежностью каждого изъ Европейскихъ народовъ, къ какому бы племени онъ не принадлежалъ, къ кельтскому ли, раньше другихъ приведшему въ Европу, или къ позднѣйшимъ германскимъ и славянскимъ племенамъ. Исторія застаетъ эти племена еще въ ту эпоху, когда весь міръ, окружавшій человѣка, являлся въ

обожествленномъ видѣ, и въ центрѣ этого міра стояли пѣвцы, какъ глашатаи божественныхъ словесъ, посредники между божествомъ и человѣкомъ. Отсюда и *слышіе* пѣвцы, которыхъ *вѣщіе персты* бѣгаютъ по *живыи струнамъ*, и живыя струны рокочутъ *вѣщую правду*. Народный пѣвецъ такимъ образомъ оставлялся, въ понятіи народа, высшею благодатью и окружался свѣтлымъ миѳическимъ ореоломъ: «пѣвца доброго милуютъ боги» — говоритъ краледворская рукопись. Такимъ миѳическимъ характеромъ отличались древніе барды Кельтовъ. Мы встрѣчаемъ въ нихъ главныя, типическія черты поэднѣйшихъ германскихъ и славянскихъ пѣвцовъ, черты сохранившіяся, напримѣръ, въ Украинѣ до нашего времени. Видѣть съ слабыми остатками Кельтскаго племени, уцѣлѣвшаго на двухъ клочкахъ Англіи и Франціи, дожили до нашего времени и древніе барды. Такъ на праздникѣ, данномъ въ 1839 году французскими Кельтами своимъ валлійскимъ братьямъ, присутствовалъ *слѣпой бардъ*, импровизировавшій стихи въ честь великаго Кельтскаго племени (Рус. Вѣст. 1857 т. XI. Совр. Лѣт. 89 Contes

Bret. Villem. 1. 2 ed, préface). Эти барды, какъ и славяно-германскіе пѣвцы, были хранителями основныхъ народныхъ вѣрованій, и путемъ литературныхъ памятниковъ дошли до насъ прѣснѣ и изречения бардовъ о разныхъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ. (Pictet. *Les myst. des bards.* 1856 *Les poëtes des Bardes Villemarqu  1860*). Барды были любимымы дѣтьми своего народа. Такъ бретонцы, обращаясь къ слѣпцамъ нищимъ, расточаютъ имъ самыя иѣжинѣшія названія: это для нихъ *друзья и божьи братья*, это *rauches ch ris* народа (Ch. popul. de la Bret.). Въ скандинавскихъ и древне-германскихъ пѣвцахъ мы встрѣчаемъ уже многоческую личность пѣвца въполномъ и законченномъ развитіи, находимъ ее въ связи съ самыми основными космогоническими вѣрованіями Германцевъ. Въ Скандинавскихъ сагахъ упоминаются два такихъ пѣвца: *Браги* и *Квасиръ*, два вѣщіе мужа, ходивши по свѣту для проповѣданія мудрости. Браги происходилъ отъ божественныхъ Асовъ, и также считался сыномъ Одина, какъ *Сага*, богиня новаій, считалась его дочерью. Полиѣ гораздо

образъ *Квасира*, созданного изъ слюней Асовъ и Вановъ, (т. е. германцевъ и славянъ,) и убитаго злыми карлами, которые сдѣлали изъ его крови божественный напитокъ, способныи вдохновлять поэтовъ. Мироискусствія черты атихъ вѣщихъ людей перешли потомъ на безчисленныхъ скандинавскихъ скальдовъ, являвшихся на пирахъ, въ общественныхъ и частныхъ собранияхъ. Какъ поэзія, по народнымъ вѣрованіямъ, шла отъ боговъ, такъ и самые пѣвицы получали божественное происхожденіе. Такому светлому понятію о пѣвцахъ не мѣшала и самая склонность къ некоторыхъ изъ нихъ. Склонность ни-чего не имѣла въ себѣ страшнаго и мрачнаго, какъ и самыи ихъ богъ Одинъ, имѣвшій одинъ только глазъ. По этому народные пѣвицы считались не только глашатаями вѣщихъ словесъ, провозвѣстниками счастія, но и служителями боговъ, и если, съ одной стороны ихъ окружали любовь и сонувствіе народа, съ другой сопутствовали имъ почтеніе и уваженіе (Grimm. Myth. 861). Скальды играли на арфахъ и пѣли о подвигахъ героевъ, цо кромѣ нихъ пѣли и гости, потому пѣніе всякому было почетно,

всякому доступно. То *запевала дѣва*, словно лебедь *бѣлосѣжный* (gullnarslagt, str. 3), то самъ король бралъ у пѣвца арфу и пѣль. По скучнымъ извѣстіямъ о жизни разныхъ скальдовъ можно догадываться, что они состояли при короляхъ, какъ должностныя лица, и, следовательно, были пѣвцами княжескими. Такъ въ одномъ мѣстѣ упоминается о двѣнадцати пѣвцахъ, служившихъ у короля. Другие же пѣвцы ходили съ мѣста на мѣсто, посѣщали далекія страны. Пѣвцы считались равными героямъ, были людьми благородными (edel spiegelman), на королевскомъ пиру занимали одно изъ почетныхъ мѣсть, и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Такъ, говоритъ сага, одному пѣвцу Иэунгу король подарилъ свой золотой перстень, полученный отъ матери, да еще одежду изъ пурпura съ золотомъ — свое королевское платье, да еще каждый изъ гостей даль пѣвцу по маркѣ или по двѣ (Raszin. Helden sage. 445). Къ перехожимъ пѣвцамъ принадлежали *слѣпцы*, слѣпые уличные пѣвцы, которые также рассказывали народу о дѣлахъ его предковъ (Grimm. Helden sage. 376,

399, 175). Здесь не место распространяться о связи скандинавскихъ преданій о Браги и Квасирѣ съ подобными преданіями славянскими, но замѣтимъ, что у обоихъ этихъ племенъ существовали одни и тѣ же вѣрованія, и личность славянскаго пѣвица окружена была тѣмъ же самымъ миѳическимъ свѣтомъ, какъ и у скандинавовъ. Вѣщіе пѣвицы жили у князей, если только въ древности были князья, и бродили по жилищамъ, вдохновляя народъ на великие подвиги. По всѣмъ вѣроятіямъ, они были известны и другимъ народамъ, и поэтому къ одному мѣсту изъ сатиръ Ювенала (сат. XVI. 5 стр.), гдѣ говорится о бардахъ и друидахъ. Схоліастъ прибавляетъ: друиды, т. е., Славяне—Druidae i Slavi. (Diffenb. Orig. Europ. 246). Таковы-то были три славянскихъ пѣвица, которые въ 590 году, съ гуслями въ рукахъ, зашли во Фракію къ императору Маврикію (Theophyl. Hist. VI. II). Народные пѣвицы представляли собою видимую духовную связь между различными славянскими племенами, жившими около тихаго Дуная, и тѣмъ болѣе, что тогда пѣвицы и пѣсни разныхъ племенъ

имѣли много общаго между собою, роднаго, пѣли, можетъ быть, объ однихъ и тѣхъ же предметахъ (См. Очер. Бул. 1. 390). Здѣсь на славянскомъ югѣ, и потомъ у южно-руссовъ развилась до высокой степени совершенства славянская поэзія. Еще въ кочевомъ быту, южный славянинъ не могъ обойтись безъ пѣсни, и бандура и кобза были принадлежностью всякаго человѣка, жившаго на югѣ, отчего въ одній пѣсни и называются они подорожными. Въ украинскихъ пѣсняхъ сохранился памъ слѣдующій образъ кочевника-пѣвица, казака-бандуриста:

Ой на Татарськихъ поляхъ,
 На козацькихъ шляхахъ,
 Не вовки—сіроманці квилять—прокві-
 ляютъ,
 Не орли—чорнокрильці клекочуть и підъ
 небесами літаютъ:
 То сидить на могилі козакъ старесень-
 кий,
 Якъ голубонько сивесенький,
 У козбу грає—вигравае,
 Голосно спиває....

• • • • • • • • • • •

**Будуть мене вовки — сіроманці зустрі-
вати,**

**Будуть дідомъ за обідомъ коля мого заі-
дати.**

Кобзо жъ моя, дружино вірная,

Бандуро моя малевана!

Де жъ мині тебе діти?

А чи у чистому степу еналити?

И пошілець по вітру пустити?

А чи на могилі подожити?

**Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітає,
Струни твої зачіпає,**

**Смутнесенько, жалібнесенько грає — виг-
равае (Зап. о Ю. Р. 1. 187).**

И эта бандура, сопровождавшая еще Кельтовъ на длинномъ ихъ переходѣ изъ Азіи че-резъ всю Европу (Chants Popul. de la Bret. XXXIV) сохранилась до сихъ поръ, кромъ Україны, еще у Болгаръ, подъ именемъ *гуслы*.

Народные пѣвицы у Болгаръ и Сербовъ — *тищіе слѣпцы*, какъ и въ Українѣ. Въ Болгаріи ими населены городъ Битола въ Македонії, и село *Балдево* въ Тракіи, въ Филиппопольскомъ округѣ. Отсюда и названія *балдевскій просекъ*, *битольскій просекъ*, и пословица: *зачервиль са като балдевски просекъ*, т. е. покраснѣль, какъ

балдевскій ниції. Промышляя пѣніемъ, они ходятъ по селамъ и городамъ, поютъ и собираютъ милостыню. Они поютъ народу о Маркѣ Кралевичѣ, болгарскомъ народномъ героѣ, о его войнахъ съ Турками, Венгерцами, Дукатинцами и Латинцами; онц поютъ пароду о прошедшихъ его судьбахъ, какъ Сербскіе пѣвцы о Коссовской битвѣ. И, слушая ихъ, старушки плачутъ, дѣти воспитываются, а старики, почесываютъ чубы, заряжаютъ винтовки и идутъ въ горы. Очень рѣдко встрѣчаются у нихъ духовные стихи, и новѣйшій издатель этихъ стиховъ, г. Безсоновъ напрасно старается обратить Сербскихъ и болгарскихъ кобзарей въ каѳикъ деревожихъ.

Южно-Русская пѣсня развивалась на братскихъ, народныхъ пирахъ, сохранившихся въ велико-русскихъ бесѣдахъ, а потомъ на княжескихъ пирахъ. На этихъ пирахъ, по словамъ былинъ, раздавались звоцчаты гусли гусляровъ, играли и пѣли скоморохи, гудоцники и слѣпцы, бывшіе еще тогда пѣвцами народной славы. Начиналь, говорить былина, гусляръ по струнамъ похаживать, и голосомъ поваживать, всѣ примодкали и слушали; окончилась пѣсли:

Нацали гудосъниковъ удобривать,
И вицомъ-то ихъ стали допаивать.

Изъ этихъ пѣвцовъ южно-русскаго племени вышелъ въ XI вѣкѣ знаменитый пѣвецъ Боянъ, память о которомъ сохранило наше Слово о полку Игоревѣ. Боянъ — иѣвецъ книжій, Святослава, и его дѣтей Романа, и Олега (1076—1115), бывъ представителемъ старыњ словесъ (т. е. преданий) Славянскаго племени, бывъ словоемъ стараго времени, какъ его называетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, достойный преемникъ Бояна. Боянъ, говорить Буслаевъ, бывъ жителемъ лучшей образованійшайшей страны, именно южной Руси. Видѣть съ особенностями южной рѣчи и поэзіи, на немъ отразидає и ранняя образованность той страны; и въ то время, какъ на Волгѣ, на Шенонѣ и на Бѣлоозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новгородѣ велись собирали около себя народъ противъ князя и епископа, нашъ юго-русскій пѣвецъ бывъ уже другомъ князей, и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усопшицы. (Очеркъ 1. 399).

Пѣвецъ Игоря (1185—1486), переносящий

свои думы на историческую почву, и Несторъ, влюблённый въ летопись поэтическія преданія народа, были лучшими представителями просвѣщенія южной Руси до конца XII-го вѣка, и указывали на прекрасное будущее впереди. Но съ передвиженiemъ исторіи на съверъ, перешли туда и кievскія поэтическія преданія. Въ съверной жизни народъ разошелся съ остальнымъ обществомъ, старинная пѣсня замерла, но и самъ народъ не могъ сохранить втолицъ свою первоначальную чистоту, и вмѣсто народнаго пѣвца выслалъ изъ среды себѣ калику переходжаго. Киевская Русь разошлась по областямъ, и потомъ перешла въ Москву, и за тѣмъ, въ линѣ старовѣровъ, въ болота и лѣса Олонецкой губерніи. И подобно тому, какъ на берегахъ съвернаго моря, находятъ остатки допотопныхъ мамонтовъ, спасавшихся отъ всеобщей гибели, такъ въ Олонецкой губерніи открываютъ теперь окаменѣвшія кievскія былины, унесенные искородомъ отъ древнерусскаго разгрома. Южная Русь, напротивъ, продолжала свою народную жизнь, развивала дающее древняя поэтическія преданія, и во всей

цѣлости сохранила до нашихъ днѣй старинный образъ народнаго пѣвца. Въ нынѣшніхъ украинскихъ слѣпцахъ-старцахъ мы находимъ всѣ черты древнихъ славянскихъ и германскихъ пѣвцовъ, и эти черты мы прослѣдимъ по драгоценнымъ замѣткамъ, изданнымъ Кулишомъ въ Запискахъ о Южной Руси.

Украинскіе слѣпцы-старцы,—это или неспособные къ земледѣлію работники, или пищіе, сохраняющіе изъ поколѣнія въ поколѣніе народныя думы и преданія. Они пѣвцы и вмѣстѣ музыканты. Призываляемые народомъ, они ходятъ по хатамъ и поютъ, получаютъ за это плату, и часто, наживъ деньги, сами покупаютъ хату съ отгородомъ, обзаводятся женою и дѣтьми, и платить подати наравнѣ съ другими крестьянами. Пѣсня и музыка не мѣшаютъ имъ заниматься ремеслами, напр. вить веревки, вязать крестьянскую упряжь, и т. п. Нѣкоторые же, пріобрѣтя хату, заводятъ школу пѣвцовъ. Такіе хозяева старческихъ ватагъ носили прежде названія *старечихъ королей*. Главная принадлежность украинскаго слѣпца это его музыкальные инструменты, рѣдко —

тира, родъ скрипки, а чаще всего *кобза* или *бандура*, отчего они и называются кобзарями и бандуристами. Это не мертвые и часто тупыя фигуры великорусскихъ каликъ, поющицъ о томъ, чего они не понимаютъ, — иѣтъ, это живые люди, съ живою душою, болѣющіе и страдающіе, страдающіе до того, что плачутъ, когда поютъ. Пѣвецъ думъ, говоритъ Кулишъ, часто бываетъ растроганъ содержаниемъ пѣсни; его голосъ дрожитъ болѣе и болѣе, и, наконецъ, рыданія прерываются на нѣсколько минутъ и пѣніе и музыку. Пѣсни и думы его — его драгоцѣнность. Всякаго встрѣчнаго пѣвеца угостить семинарскимъ псалмомъ или чечоточкою (Зап. о Юж. Р. 1. 100), и только съ пріятелемъ и близкимъ человѣкомъ подѣлится старинною, дорогою ему думою. По этому кобзарь поетъ не отъ того, что пѣсни — его промыслъ, а въ силу своей поэтической природы: онъ не можетъ не пѣть, онъ въ пѣснѣ отводитъ свою душу. «Иноді и въ иочи встану, граю собі, граю»... рассказывалъ одинъ изъ кобзарей. Малороссийскіе нищіе, говоритъ Кулишъ, занимаютъ первое мѣсто по развитію

поэтическихъ и философскихъ способностей. (Сравни: *Chants Pop. de la Bretagne, Ville-marquè*, 3-е èd. t. 1-er, XXXII). Они почти все слѣпы. Немногіе изъ нихъ поступаютъ въ разрядъ нищихъ, т. е. собирателей милостыни, по какому нибудь калѣчеству (въ Велико-рѣссии рѣшительно все); еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ все знаютъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищихъ (Кул. Зап. о Ю. Р. I. 43). Это передовые люди своего сословія, прибавляетъ Жемчужниковъ. Они принадлежать къ тѣмъ честнымъ бѣднякамъ, которые, несмотря на свою пищету и безграмотность, бодры духомъ, свѣжи чувствомъ и разумомъ, которые трудомъ заработанный грошъ тратятъ не на облегченіе вопіющей своей бѣдности, но отдаютъ его на обученіе грамотѣ какого нибудь близкаго (Осн. 1861. VIII. XVII. 2). Кромѣ того это все люди глубоко религіозные, чужды грубыхъ суевѣрій, преданные церкви (З. о Ю. Р. I. 46—50), чего и тѣни нѣтъ у сѣверного калики переходаго. Душа ихъ исполнена глубокой нѣжно-

сти, и лучшая отрада для нихъ ласкать дѣтей и играть съ ними (ів. 1. 66). Съ Киевской Русью, передвинувшейся на сѣверъ, ушли туда и Киевскія былины, и въ памяти украинскаго пѣвца сохранились только тѣ, которыя ближе были къ жизни, какъ напримѣръ, преданія о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, о морскихъ походахъ Руси подъ Византію, объ Олешѣ Поповичѣ. Но за то вся послѣдующая исторія юга, со всѣми ея радостями и страданіями, жива въ украинскихъ пѣсняхъ, часто имѣющихъ цѣну лѣтописи. Духъ же, проникающій всѣ эти думы и пѣсни,—это любовь къ матери Сѣчи (Січъ мати) и къ отчизнѣ Українѣ, которую пѣвецъ любитъ больше всего, и любить наравнѣ съ послѣдней Украиной, которая также въ своихъ пѣсняхъ поетъ о милой Українѣ. И если послѣ пѣсни украинскому пѣвцу остается что нибудь еще дорого — такъ это его бандура, неразлучная его спутница, повѣренная его думъ, его вѣдоховъ, — бандура, разгоняющая всеобщую тугу и сопровождаемая всеобщими благословеніями. Такъ плачетъ бандуристъ, принужденный разстаться съ своей

бандурой: «Ти жъ була мою втіхою, ти жъ розважала мене у всякий пригоді. Багато людей вельможнихъ, багато лицарства славного и всякого народу православного слухали твоихъ пісень! Де ти не бувала, якої пригоди не дознала? Чи разъ же ти мою голову и зъ щинку визводяла? Чи разъ же ти въ заставі лежала, то й нігде жъ ти не застряла! А теперъ довелось миши съ тобою розлучатись, за чотирі карбовані рублі тебе въ чужі руки отдавати, то й по вікъ вішній, може, тебе не видати!... (іб. 1. 199).

На съверѣ, куда мы теперь переходимъ, народъ сохранилъ древнія Кіевскія былины и побывальщины почти въ томъ видѣ, какъ онѣ создались, и только на мотивы ихъ онъ пѣль о Гришкѣ, о Грозномъ, о страдалицахъ-царницахъ и царевнахъ и т. п. Съ большею жизнью сохранились пѣсни обрядныя и праздничныя, для пѣння которыхъ пѣвецъ — народъ принималъ характеръ древне-славянскихъ пѣвцовъ. Таковы, напримѣръ, пѣсни (колядки), распѣваемыя во время коледы. Лица, поющія колядки, называются въ Бѣдоруссіи *воловочобни*.

кали отъ сл. волочиться, т. е. ходить съ мѣста на мѣсто съ пѣniемъ, иначе — перехожими. Волочобники—это пѣвцы, которые ходятъ съ пѣniемъ по деревнямъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Пасхи (Ср. Памят. Нар. Б. Болг. 1. 210, 216). Они приносятъ миръ и счастіе дому, и хозяева ждутъ ихъ, какъ благословенныхъ гостей. Пѣвцы набираются изъ крестьянъ, ходятъ партіями (ватарами) отъ 8 до 20 человѣкъ. Глава партіи *починальникъ*—мужикъ зажиточный и богатый, и онъ начинаетъ пѣснъ, а *подхватники* подхватываютъ; онъ же получаетъ и подаяніе, которое собираетъ особое лицо, называемое *мъхонушей*. Вмѣстѣ съ пѣвцами ходятъ и музыканты, одна или двѣ скрипки и дударь. Какъ странствующіе пѣвцы бretонцевъ, подойдя къ двору, стучатся и посылаютъ хозяину благословеніе, и если отворятъ имъ, то входятъ, иначе проходятъ мимо (Chants Pop. de la Bret. XXXIV), такъ и волочобники, подойдя къ дому, стучатся въ окно, привѣтствуютъ хозяина и становятся въ полукругъ; въ срединѣ *починальникъ*, и онъ затягиваетъ первый

стихъ, а подхватники припѣваютъ, за тѣмъ поется второй стихъ и т. д. Во время пѣнія подхватники хлопаютъ въ ладоши, а запѣвала сопровождаетъ свои слова приличными тѣлодвиженіями. По окончаніи пѣнія, изъ среды пѣвцовъ выдѣляется одинъ, и говорить хозяину привѣтствіе. (Пантеонъ, т. III; Русс. Дневн. 1859. 101). Эти водочобники и другіе праздничные пѣвцы представляютъ теперь послѣдніе слѣды народныхъ пѣвцовъ въ сѣверной Россіи; народный же пѣвецъ, какъ самостоятельный дѣятель, здѣсь совершенно утратился, такъ что исторія не помнить ни объ одномъ изъ нихъ, и *Кирша Даниловъ*, если онъ только принадлежалъ средней или сѣверной Россіи, кажется какимъ-то случайнѣемъ, исключительнымъ явленiemъ. Но съ замиранiemъ личности народнаго пѣвца, и съ происходящимъ отъ этого замиранiemъ народной жизни, въ тоже самое время подъ вліяніемъ книжнымъ, подъ вліяніемъ грамотника древней Руси, преимущественно Московской, возникаетъ на поверхности русской жизни мрачный образъ *калики перехожаго*. На нынѣшихъ перешли черты древнихъ

мионическихъ лицъ, и по этому сами пишіе явились хранителями нѣкоторыхъ вѣщихъ словесъ древняго времени. Въ преданіяхъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ мы встрѣчаемся съ богами, которые путешествуютъ и странствуютъ по землѣ. Такъ въ пѣсняхъ Эдды ходятъ по землѣ Одинъ, Гониръ (Noemir) и Локи, и принимаютъ на себя различные образы. Въ позднѣйшихъ преданіяхъ, эти древнія странствующія существа принимаютъ христіанскія названія и обращаются уже прямо въ ниціхъ. Это послѣднее преданіе составляетъ существенную сторону русскихъ народныхъ легендъ, а иногда и сказокъ. Такъ, напримѣръ, въ одной украинской сказкѣ, *Іванъ Голикъ*, владѣющій неиздѣшнею силу, братается съ ницімъ, и дѣляется калѣкою. (Зап. о Юж. Руси. 2. 76). И на томъ же самомъ основаніи, какъ *небесныя силы*, съ которыми боятся богатыри и погибаютъ, какъ эпитеты, *святая Русь*, *святорусская земля* и пр. (Буслаевъ. Р. Вѣст. XXXVII. 1. 49. 51.), означаютъ не христіанскія, а древнє-мионическія понятія, такъ точно и пишій, — какъ *святой* человѣкъ, имѣющій

святое происхождение (см. ниже) долженъ быть понять въ древнѣйшемъ миѳическомъ смыслѣ, какъ и понимаетъ его народъ. На основании этого миѳического происхожденія получаютъ значение и всѣ принадлежности нищаго: сумы Лазаря — *святой кошелъ* (*Bettelsack*), милостыни Лазарю — *святая милостыня*, палка Лазаря — *нищенскій пасожъ* (*Bettelstab*), который однако у нищихъ часто бываетъ набитъ деньгами. (Аѳ. Ск. 6. 122). Наконецъ, можно думать, что на образъ нищаго прямо перешло какое либодуе древнее миѳическое существо, и по этому, въ настоящее время, видимое состраданіе къ нищему часто ничто иное, какъ тайное сочувствіе къ забытому по имени богу. (Ср. Grimm. Myth. 862. пр. 2-е). Такимъ образомъ калики перехожіе, какъ древнія миѳическія лица и какъ пѣвицы вѣщихъ глаголовъ, сохранили до нашихъ дней, донесли *по памяти*, какъ они сами говорятъ (Пѣсни Кирьев. 2. 275), древнѣйшія космогоническія преданія о сотвореніи міра, и сохранили даже самую древнюю форму преданія, именно загадку, которая составляется изъ вопросовъ и отвѣтей.

тovъ. Въ каликахъ перехожихъ сохранились нѣкоторыя черты древнихъ славянскихъ пѣвцовъ, которыя мы легко замѣтили, освободивъ ихъ отъ *древне-русской* отдѣлки.

Старинная пѣсня о сорока каликахъ съ каликою, записанная Киршею Даниловымъ, говоритъ, что калики выходили изъ Ефимьевой пустыни, изъ монастыря Боголюбова, но это извѣстіе должно понимать гораздо общѣе, т. е. что калики жили преимущественно около монастырей, и у монастырскихъ воротъ было главное поприще ихъ дѣятельности. Ходили они артелями *по сорока каликъ съ каликою*, во главѣ артели (ватаги) стоялъ атаманъ, кото-раго выбирали *въ кругу*. На каликахъ надѣты были сумки и *подсумки*, въ рукахъ у нихъ были клюки. Прійдя на мѣсто, они становились въ кругъ, клюки—посохи въ землю втыкали, и на нихъ вѣшали сумочки. Въ этихъ наружныхъ признакахъ каликъ перехожихъ мы находимъ, безъ сомнѣнія, черты древнихъ славянскихъ пѣвцовъ, и точно такія же намеки на старинную нравственную чистоту пѣвцовъ мы можемъ видѣть въ названіи каликъ *уда-*

лыши и дородныни молодцами, и въ томъ,
 что у нихъ очень строго наказывались грѣхи.
 Калики переходжіе, продолжаетъ пѣсня Кирши
 Данилова, были *удалыни и дородныни молодцами*, и водились за ними грѣхи—воровство и
 женскій блудъ (разказывается въ духѣ древней Руси), а потому въ каличье артели былъ
 положенъ уставъ:

Кто украдетъ, или кто солжетъ,
 Али кто пустится на женской блудъ,
 Не скажеть большому атаману,
 Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
 Едина оставить въ чистомъ полѣ
 И окопать по шею въ сырь землю.

Ходили они по селамъ и деревнямъ, по городамъ и пригородамъ, и собирали милостыню, чѣмъ бы, по словамъ пѣсни, *молодцамъ душу спасти*. Вѣщій голосъ древняго пѣвца слышится въ зычуомъ крикѣ каликъ. Этотъ крикъ, которымъ они прошаютъ милостыни, такъ силенъ, что отъ него

Съ теремовъ верхи повалялся,
 А съ горницъ охлопья попадали,
 Въ погребахъ питья всколебалися.

(Безс. Кад. Пер. 1. 10).

Брали они милостию не рублёмъ, не полтиною, а цѣльми тысячами. Заходя въ боярскіе и княжескіе терема, садились за столъ, имъ подавали вино и сладкія кушанья, они пили, пили, потьшалися. Таковы древнѣйшія черты общаго наружнаго вида каликъ, указывающія на то, что въ древности они были истинными народными пѣвцами. Но этимъ и ограничивается ихъ родство съ народомъ, и во всемъ остальномъ, т. е. въ личности каликъ, въ духѣ, проникающемъ ихъ пѣсни, и въ томъ, какъ народъ понимаетъ каликъ, — они чистѣйшее произведеніе древней Руси, гдѣ миѳическія вѣрованія получили мрачный, дьявольскій характеръ, гдѣ въ слѣпотѣ видѣли связь съ нечистыми силами, и самые пѣвцы сдѣлялись представителями нечистой силы.

Какъ изъ уродовъ, на основаніи народныхъ новѣрій, выходили юроды, юродивые, такъ изъ каликъ — калики переходжіе. На основаніи довольно темныхъ для насъ древнихъ вѣрованій, когда слово богъ имѣло болѣе частное значеніе, всякий человѣкъ, лишившійся зренія, языка, членовъ тѣла, переходилъ по этому вѣдомство

бога, ему благопріятствовали външнія силы, отъ дѣлался убогий (чешк: ubožatko, nebozatko, nebozak, nebozez, nebozka; укр: небоги, неборакъ, небожникъ; русс: небога). Но когда народъ сталъ видѣть въ качествѣ присутствіе враждебной силы, когда стали дѣлать заговоры отъ съпаго энкара (А. Ю. Св. Калач. II. VI. 1—7), то и самое слово *убогій* было перенесено на дьявола. Прежніе слѣпцы съ ихъ вѣщимъ значеніемъ обратились въ *просидоши*; какъ называются лазари въ Каргополѣ (Ол. Г. Вѣд. 1857. 26—27), и въ Вологодской губерніи, просить милостыни тоже, что *кликоть*. (Оп. Обл. Слов). Отсюда нище получающіе силу отыскивать иѣкоторыя травы, напримѣръ, траву *печуй* вѣтъеръ, а встрѣча съ нищимъ слѣпцомъ, или, какъ сказано въ одной рукописи, кто *слѣпца стрячетъ*, считалось дуринымъ предзнаменованіемъ (Щаповъ о расколѣ: 750). Эти то мрачные, слѣпые нищіе, жившіе только для сбора милостыни, которую они собирали, распѣвая Лазаря; сами стали называться *Лазарями*. Отсюда переносное значеніе, по которому *лазарими* называются всѣ, надѣдающіе своимъ

просьбами, конючаще, притворщики: «полно лазаря-то лѣтъ,» говорятъ. Лазари не знаютъ ни пѣсень, ни историческихъ былинъ, поютъ одни стихи. Стихи каликъ изданы недавно г. Безсоновымъ, который почему-то назвалъ каликовъ калѣками (Калѣки перехожіе, сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Ч. I. вып. 1.. 2.. 3.). Безсоновъ преклоняется предъ каликами съ какимъ-то благоговѣніемъ. Для него ничего не существуетъ выше калики. Онъ видѣтъ каличныи черты въ позднѣйшихъ преданіяхъ обѣ Ильѣ Муромцѣ, а Илья Муромецъ у него представитель народа, по этому каличий характеръ, каличий духъ есть, по Безсонову, ступень народнаго развитія. По нашему, если это ступень, то ступень самая низкая, на которой народный духъ, народныя преданія являются, какъ мы сейчась увидимъ, въ самомъ искалеченному видѣ. На этой ступени калики сходятся съ *муромщиками, скотцами и садосожигателями* (См.: Сбор. Русскихъ духовныхъ стиховъ, составл. Варенцовымъ), но, не смотря на все это, Безсоновъ любить ихъ съ какой-то врожденной страстью: «съ раннихъ лѣтъ, гово-

рить онъ, останавливалъ я внимание на этихъ лицахъ.» Собрание стиховъ каликъ переходящихъ у Безсонова, по его словамъ, превосходитъ тысячу; и все они, по большей части, принадлежать средней и сѣверной Россіи, на которой древняя Русь оставила такие твердые следы. Напротивъ въ Украинѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, сохранился во всей чистотѣ древній образъ народнаго пѣвца, калики почти погибли, а если бываютъ тамъ, такъ это захожіе съ сѣвера. Безсоновъ сожалѣетъ о большомъ недостаткѣ у него каличныхъ пѣсень изъ Малороссіи, и думаетъ, что, при обилии этихъ пѣсень для прочихъ вѣтвей Руси и всего православнаго славянства было бы горько и досадно только здѣсь (т. е. въ Украинѣ) оставаться въ нищетѣ, и призываетъ къ содѣйствію всѣхъ молодыхъ (?) Украинцевъ. Но, во 1-хъ, кого ни призовывайте, г. Безсоновъ, никто никогда не пришлетъ вамъ украинскихъ каличныхъ стиховъ, по тому самому, что они не существуютъ. Во 2-хъ, все, которые не считаютъ каличий стихи за *своеобразныя и самобытныя произведения народнаго твор-*

чества (Беас. Кал. Пер. 1. 1), искренно возрадуются, узнавъ, что украинскій народъ до того умѣль сберечь себя, что у него нѣтъ ни каликъ, ни каличыхъ пѣсень, а есть благоуханныя женскія пѣсни, есть историческая думы, да еще чистые народные пѣвцы, подобные сербскимъ старцамъ-кобзарямъ, поющіимъ о Коссовской битвѣ, и болгарскимъ старцамъ-гуслирамъ, рассказывающимъ о Маркѣ Кралевичѣ.

Стиль каличыхъ духовныхъ стиховъ, говорить проф. Буслаевъ, упорно остановился на романской варварской эпохѣ, и только закончились, будучи скованъ теодогическимъ начадомъ, которому Византія строго подчинила поэзію и искусство (Русс. Рѣчъ. 1861. № 26). Въ нихъ мѣсто былеваго творчества замѣнило книжное преданіе, а древнія вѣрованія получили мрачный, дьявольскій характеръ. Что же касается до художественнаго значенія каличихъ пѣсень, то обѣ этомъ лучше всего говорятъ сами пѣсни, перешедшія мало по малу въ грубыя вирши, даже неспособныя къ чтенію.

Вместо свѣтлаго содержанія народныхъ пѣ-

сень, въ стихахъ каликъ преобладаетъ сила злая, сила змѣя, змѣища, змѣя Горынища, муки змѣиныхъ, что далѣе развивается въ антихриста, приближеніе котораго ожидается ежеминутно:

Скоро намъ будетъ тое времячко злаго
антихриста,

Время на три года будетъ и нашестъ мѣ-
сяцевъ.

Человѣкъ на каждомъ шагу видитъ прелестнаго врага и діявола, и злой врагъ орудуетъ всей человѣческой жизнью, онъ даже уничтожаетъ самодержцевъ:

А злый ненавистникъ врагъ,
Властолюбецъ богомерзкій,
Не можетъ зрести самодержцовъ:
Вложи въ зависть Святополка
Убить Бориса и Глѣба (Кал. Пер. З. 666).

Вѣчная борьба съ нечистыми силами далѣе переходитъ во вражду ко всему, что только возбуждало неудовольствие древне-русскаго грамотника, но о чёмъ народъ иногда и не слыхалъ. Миѳическое преданіе о землѣ, принимающей кровь, обращается въ землю, пожирающую кровь яицковскую, а отсюда Ироды, силы

жидовскія, бусурманскія, проклятые жиды, и проч., отъ чего надо очищать землю свято-русскую (ib. 3. 543).

Въ томъ же духѣ идетъ плачъ о народахъ, захваченныхъ дикими людьми, и заключенныхъ въ темницахъ, и проклинаются Мамаи и т. п.

О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь!

За Мамаемъ царемъ той же участи подвергаются Діоклитіаны, безбожни Елліни, а далѣе раскольники поганы, чего ужъ никто не сышетъ въ чисто-народной літтературѣ:

О Русь, о Русь, прекрасная страна!

Въ тебѣ живутъ Татары злые,

Ругаются святынѣ раскольники поганы.

Отсюда же, какъ необходимое слѣдствіе, и скрежетъ зубовныи, и пѣсни гробалъ:

Вы, гробы ли, гробы,

Привѣчные намъ домы. (Сб. Русс. дух. ст.
25, 56, 57, 42)

Но проповѣдуя народу вражду къ раскольникамъ, калики-перехожіе сами держались многихъ раскольничыхъ ученій. Такъ, напримѣръ, они поучали о спасеніи въ пустыні. Бѣгство изъ городовъ и сель и блужданіе по свѣту,

обусловливаемыя то нуждами земли, то извѣстными гражданскими обстоятельствами, представляютъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ древней Руси. Бѣгство народа прежде было или простымъ передвиженiemъ съ мѣста на мѣсто, или молчаливымъ протестомъ, но съ конца XVII вѣка, оно стало обращаться въ аскетическое ученіе о пустынѣ. При посредствѣ различныхъ писаній, возникъ въ обществѣ образъ пустыни, влекущей къ себѣ всякаго живаго человѣка. У раскольниковъ появилась секта *странниковъ*, главнымъ догматомъ которой было бѣгство отъ антихристова владычества, удаленіе отъ семейства и *странствованіе въ лѣсахъ и пустыняхъ* (Макар. Ист. Раск. 306). Духъ же этой секты, существовавшей задолго до расколовъ, проникалъ всѣхъ, и раскольниковъ и не раскольниковъ. Пойти въ пустыню, где наши отцы угодили Богу (Кал. Пер. 1. 256), сыскать тамъ старца, сдѣлаться отъ него свѣтозарнымъ, и, оставивъ той злобный міръ, стать дивіимъ звѣремъ, и тѣмъ спасти свою душу,—таковъ былъ идеалъ

древней Руси, воплотившійся у каликовъ въ образъ *Ioасафа царевича*.

Въ дальней долинѣ стоитъ *прекрасная пустыня* и иѣкій Ioасафъ царевичъ оставляетъ свой богатый дворецъ, отца, мать, и бѣжитъ въ пустыню *въ младыхъ лѣтахъ потрудиться*, и тѣмъ подражать Христу:

Тебѣ, Христе, подражаю,
Нищъ и босъ хощу быти,
Да съ тобою могу жити (ib. 1. 260).

И вотъ говорить онъ мрачной пустынѣ:

На царскія вси палаты златы
Не хочу взирати;
Покоевъ свѣтлыхъ, чертоговъ
Славы и чести премногой
Бѣгалъ, аки отъ змія:
Пустыня моя, пріими мя
Отъ суетна прелестнаго
Вѣка мало времяннаго;
Въ своя младыя лѣта
Отвращуся отъ свѣта.
Буду аки звѣрь дивій,
Единъ въ пустыни бѣгая,
Во дни и въ ночи работая.

—

Пустыня моя, пріеми мя
 Отъ суетнаго, прелестнаго
 Вѣка маловремяннаго,
 Да во своя младыя лѣта
 Отвращуся сего свѣта.

—
 Сего ради въ тя прибѣгаю,
 Отъ антихриста убѣгаю.
 Не знаю себѣ что и быти,
 Да гдѣ миѣ главы подклонити.
 Понеже антихриста дѣти
 Всюду простерты имуть сѣти;
 Хотятъ онѣ насъ уловити,
 Къ антихристу покорити;
 Своимъ ересемъ осквернити,
 А душу мою погубити;
 И пивомъ своимъ напоити,
 А вѣру Христову потребити.

Объяснивъ пустынѣ, что враги хотятъ погубить его душу и пр., младъ-юноша просить пустыню взять его къ себѣ:

Любезная моя мати,
 Прекрасная моя пустыня!
 Пріемли меня въ пустыню
 Отъ юности прелестнага,
 Укрой меня, мать-пустыня,
 Въ темныя тѣ ночи,

Научи меня мать-пустыня
 Какъ божью волю творити.
 Ъсть гнилую колоду:
 Гнилая колода
 Лучше царского яства;
 Испивать болотную водицу
 Лучше царского пойла.

Но пустыня не вѣритъ ему; она указываетъ
 ему на всѣ соблазны свои во время весны:

Какъ придетъ весна красная,
 Всѣ луга, болота разольются,
 Древы листомъ одѣнутся,
 На древахъ запоетъ птица райская
 Архангельскими голосами:
 Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
 Меня мать прекрасную пустыню позабу-
 дешь.

Нѣтъ, отвѣчаетъ юноша, я вѣдь недаромъ
 же выросъ въ матушкѣ Москвѣ, я умеръ давно
 для всего живаго и свѣтлаго:

Не прельщусь я на всѣ благовонны цвѣты,
 Оброшу я свои власы
 По могучія плечи,
 Отпушу свою бороду
 По бѣлыя груди,
 Я не дамъ своимъ вочамъ

Отъ себе далече зрити,
Я не дамъ своимъ ушамъ
Отъ себѣ далече слышать.

Я, продолжаетъ онъ, буду жить въ пустыни, не взирая на вольное царство, и тебя, мать моя прекрасная, не покину (Кал. Пер. 1. 217):

Про тебя, матерь пустыни,
И самъ Господь знаетъ;
Тебя, матерь пустыни,
Всѣ архангелы хвалятъ,
И преподобные прославляютъ, и пр. и пр.

Эти послѣднія стихи прямо указываютъ намъ на книжное вліяніе. Тому же книжному вліянію и тому же аскетическому духу обязаны своимъ происхожденiemъ стихи о Лазарѣ, и обѣ Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ. Алексій Божій человѣкъ также оставляетъ въ свадебную ночь свою молодую княгиню и отходитъ въ иную землю за батюшкины грѣхи помолиться, за матушкины труды потрудиться, и дѣлается убогимъ: власъ долгій,

Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася,
А зрење помрачишася.

Тѣмъ же самыи странническимъ и плачевнымъ характеромъ отличаются и стихи объ *Юсифъ прекрасномъ*. Гораздо важнѣе для наасъ, постороннихъ изслѣдователей, а не для народа, который тутъ ничего не находитъ, древній-шля космогоническія преданія Славянъ, сохраненные каликами въ стихахъ *о голубиной книгѣ*. На лица же Св. Егорія и Св. Николы народъ перенесъ какія-то древнія миѳическія лица, точно также, какъ и на Св. Димитрія Селунскаго перенесъ онъ какое-то лицо героического периода. Но стоитъ лишь сравнить хоть преданія *о голубиной книгѣ*, сохраненные каликами, съ подобными преданіями германцевъ, то легко увидать, сколько въ послѣднихъ сохранилось жизни, свѣжести и величайшей художественности, и какъ первыя отупѣли среди византизма.

Такимъ образомъ, стихи каликъ, проникнутые книжнымъ, древне-русскимъ духомъ, наѣвали на народъ одну тоску, не принося ему ни нравственной энергіи, ни какой либо отрады въ будущемъ. По этому въ народѣ къ каликамъ прислушивались только одни нрав-

ствено-больные, только одни совершенно-разбитыя сердца; здоровые же отврашались отъ нихъ, гоняли ихъ отъ себя. И, кажется, что это отвращеніе чувствовалось, не только людьми, но и самыми деревенскими собаками,— злѣйшими врагами каликъ. Съ одного конца вошли въ деревню калики, а на другомъ— собаки ужь подняли головы и сбѣгаются, и страшнымъ лаемъ провожаютъ каликъ до другаго конца деревни, и долго еще потомъ ворчатъ, хотя калики давно скрылись изъ виду.

Тупое повтореніе заученыхъ фразъ, соединенное съ попрошайствомъ, губительно дѣйствовало и на каликъ, и изъ нихъ вырабатывались самыя грубыя личности со всевозможными пороками. Великорусскій народъ иначе не понимаетъ блуждающихъ нищихъ, какъ ворами и мошенниками. Приводимъ здѣсь сказку, которую разсказываетъ народъ про сльпицовъ: «Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ одинъ парень въ работникахъ; вздумалъ на лѣто въ деревню идти и сталъ просить у хозяина разсчета. Только немного пришлось ему получить денегъ,— всего на всего одинъ полтинникъ. Взялъ онъ

этотъ полтинникъ и пошелъ за Калужскую заставу; смотритъ, — сидитъ на валу слѣпой ницій и просить Христовыи именемъ подаянія. Мужикъ подумалъ-подумалъ и сжалился; подалъ ему полтинникъ и сказалъ: «это, старичокъ, полтинникъ; прими изъ него Христа ради семитку, а сорокъ восемь копѣекъ дай мнѣ сдачи». Слѣпой положилъ полтинникъ въ свою мешину и снова затянуль: «православные христіане, подайте Христа ради слѣпому невидущему! — Что-жъ ты, старикъ, подавай мнѣ сдачу. А онъ будто не слышить: «ничего, родимой! еще солнышко высоко, успѣю до двора помаленьку добрести». — Оглохъ, что ли? мнѣ самому идти добрыхъ сорокъ верстъ, деньги въ дорогѣ-то надобны! Взяло мужика горе пуще остраго ножа: «эй, говорить, старой чортъ! подавай сдачу; не то я съ тобою раздѣлаюсь по своему!» И началъ егѡ поворачивать на всѣ стороны. Слѣпой во всю глотку закричалъ: «батюшки, грабятъ! караулъ, караулъ!» Побоялся мужикъ бѣды нажить, брошилъ слѣпаго: лучше, думаетъ про себя, отъ грѣха уйтти; а то первенецъ часъ — прибѣг-

гутъ караульные, да еще въ городъ поведутъ! Отошедъ шаговъ съ десятокъ, или больше, остановился на дорогѣ и все глядить на нищаго: жалко, вѣдь, своихъ трудовыхъ денегъ! А тотъ слѣпой на двухъ костыляхъ ходилъ, и оба костыля при немъ лежали: одинъ съ праваго боку, другой съ лѣваго. Разгорѣлось у мужика сердце, радъ всякое зло ему сдѣлать: «постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, какъ-то ты домой поплещешься»! Вотъ подобрался потихоничку и унесъ одинъ костыль. Слѣпой же всталъ и поплелся на одномъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ поплелся и мужикъ. Шли-шли; недалече отъ деревни, у самаго-таки перелѣска стоять двѣ старыхъ избушки. Подошелъ слѣпой къ одной избушкѣ, распоясался, снялъ съ пояса ключъ и отперъ свою келью; только онъ отворилъ дверь настежъ, — а мужикъ поскорѣй туда, забрался напередъ его, сѣлъ на лавку и духъ притаилъ: «посмотрю, думаетъ, что дальше будетъ»? Вотъ слѣпой вошелъ въ избушку, наложилъ на дверь изнутри крючекъ, оборотился къ переднему углу и помолился на святыя иконы; опосля

бросилъ кушакъ съ шапкою на прилавокъ и полезъ подъ печку,—такъ и загремѣли сковородки и ухваты. Маленько погода, тащить оттудова боченокъ; вытащилъ, поставилъ на столъ, и началъ вытряхать изъ мешны набранныя деньги да въ боченокъ класть: у того бочепка съ боку горлышко было малое — такъ, чтобы мѣдному пятаку пролѣтѣть. Покидаль туда деньги, а самъ таково слово вымолвиль: слава Богу! на силу пятьсотъ доровняль; да спасибо и тому молодцу, что полтинникъ далъ: кабы ни онъ подъ руку попался, еще дня три просидѣлъ бы на дорогѣ». Сказка оканчивается тѣмъ, что мужикъ взялъ эти пятьсотъ рублей себѣ, да еще у другаго старца нашелъ пятьсотъ рублей и ушелъ. (Аѳан. Ск. 6. 150). Ницкій старецъ, поселившись близъ народа, вносилъ въ жизнь одни раздоры, дѣлался общественной болячкой. «Нѣкій старецъ просецъ, разсказываетъ Филиповъ въ исторіи Выговской пустыни, «попрося пришедъ въ Суземокъ, ходя по скитамъ, милостыни прося, смиреннымъ плачевнымъ образомъ скитался по сиротски и поселился въ Пельяской

скить, купи себѣ кельишко у пѣкакой сироты, и ту водворяся самовольно, а для его пищеты никто его спротства ради не гонилъ вонъ. Но по Суземку хождаше, а овое и по волостямъ, прошая, и по кабакамъ скитающеся и вину піяще. А егда въ Суземокъ пришдетъ, являясь въ Суземскомъ согласинъ, а въ миръ исходя съ мирскими соглашающеся, и послѣ къ себѣ и посестрію свою тутъ же приведе, и оная съ нимъ прошаще и кормящеся: и пачаше онаго старца добромъ вонъ высылати. Онъ же не слушаше никого; и его выгнали, и онъ за это подаль на Суземокъ доносъ (Ист. Филипова 426). — Въ этихъ послѣднихъ личностяхъ, возсозданныхъ народомъ въ сказкахъ, калики-слѣпцы переходятъ уже въ обыкновенныхъ нищихъ. Но обратимся еще разъ къ каликамъ. Говоря о народныхъ пѣвцахъ и о каликахъ, мы не имѣли ни малѣйшаго намѣренія прослѣдить исторію народнаго пѣвца; такая задача не по силамъ нашимъ. Мы ничего не сказали ни объ индивидуальныхъ отличіяхъ народныхъ пѣвцовъ по племенамъ, ни объ отличіи княжескихъ пѣвцовъ отъ народныхъ; мы

не указали на то, о чём именно пѣли пѣвицы у различныхъ племенъ и въ различные періоды исторіи. Наконецъ, мы не видали различія пѣвцовъ по характеру ихъ быта, напримѣръ, что школы, гдѣ воспитывались калики перехожіе, очень мало имѣли общаго съ средневѣковыми школами духовныхъ пѣвцовъ изъ сиротъ, о чёмъ говорится у Дюканжа подъ словомъ *santores*, и что тѣ и другія школы совершенно не были похожи на украинскія школы кобзарей. Но еслибы и захотѣли мы прослѣдить всѣ эти и подобные имъ вопросы, то должны были бы отказаться, за недостаткомъ свѣдѣній и материаловъ. Исторія русскаго народа—*terra incognita*; древній бытъ Славянъ—тоже, нѣкоторыя славянскія племена, какъ напримѣръ, Болгаръ, мы знаемъ только по имени,—и при такомъ положеніи науки многаго не сдѣлаешь. По этому въ нашемъ трудѣ мы ограничились указаніемъ самыхъ простыхъ фактovъ. Мы указали, напримѣръ, что народные пѣвицы проходять съ народомъ черезъ всю его исторію, и тамъ, гдѣ они сохранили свое пародное значеніе, тамъ цѣла, чиста, и свѣжая самая парод-

юсть, и свѣтла ея будущность. Тамъ только могутъ совершаться такія явленія, что народный кобзарь, какъ Шевченко, въ одно и тоже время и полный представитель народа, и вождь его на пути добра, и лучший поэтъ просвѣщенаго общества. Но тамъ, гдѣ народные пѣвицы измѣнили народному духу, вмѣстѣ съ пѣвцами изкалѣчиваются и общество и народъ. Тутъ ужь великое счастье, если явится и Кольцовъ, оплакивающій свою печальную участъ, и извѣстный по этому только на городскихъ площадяхъ, но совершенно чуждый народу. Не слыши пѣсней, трогающихъ сердце и пробуждающихъ духъ, народъ опускается ниже и ниже. Такъ извѣстно, что русскій народъ вообще врагъ нищенства и побирошества, что это вообще здоровый, честный и гордый народъ, но за то — въ частности — въ Украинѣ очень рѣдкій рѣшился нищенствовать, а въ Великороссіи, во многихъ мѣстахъ, нищенство обращается въ привычку, въ болѣзнь. Въ деревняхъ и селахъ около матушки Москвы ни одинъ, кажется, мужикъ не откажется выманить Христа ради гривенникъ. Въ Кунцовѣ,

лѣтомъ по воскресеньямъ, мальчишки и дѣвочонки, дѣти зажиточныхъ мужиковъ, ходятъ толпами и не стыдятся сбирать по копѣечкамъ. Не лучше и самое общество. Есть множество такихъ дикихъ господъ, которые потѣшаются на дачахъ деревенскими ребятами, собирая ихъ, и заставляя за копѣечку ходить на головѣ, купаться въ одежѣ, драться, бѣгать и т. под. Обращаясь къ русскому нищенству, преимущественно великорусскому, мы увидимъ, что если не привлекательно положеніе народа, то положеніе общества еще хуже.

III.

Переходы оть Лазарей къ нищимъ, мы должны прежде всего объяснить слово «нищій». Древніе святые люди, отрекшись оть богатствъ сего міра, запирались въ монастыряхъ и дѣлались нищими, а на этомъ основаніи въ древней Руси все наше благочестивое духовенство и монашество, какъ истинные наследники древняго благочестія, считались за нищихъ, и, въ самомъ дѣлѣ, жили милостьюю доброхотныхъ

дателей. До сихъ поръ еще у часовни Иверской Божіей Матери стоять ряды монахинь и монаховъ, кто съ книжкою, завернутой въ пелену, кто съ тарелкой. Точно тоже, что и въ древней Руси: съ пеленами на сооруженіе просятъ, говорить Стоглавъ. Во всякой монашеской кельѣ, вы найдете извѣстную лубочную картину, изображающую монаха, распятаго на крестѣ, и испещренного различными символическими объясненіями, и, между прочимъ, ноги монаха прикованы къ камени, съ надписью «нищета». За этимъ естественнымъ положениемъ человѣка, усвоившаго себѣ идею отречения отъ міра, слѣдовали всѣ праздношатающіеся, которые занимались нищенскими подвиго-положничествомъ.

Къ нимъ принадлежали *вольные нищіе, отрекающіеся отъ своей собственности и въ Бога богатѣющіе, неся крестъ смиренія и терпѣнія* (Снегиревъ *). Было много такихъ, которые, «раздавъ имѣніе родителей своихъ нищимъ», пи-

^{*}) Московскіе нищіе, соч. И. Снегирева. М. Полиц. Вѣд.

щали (Пам., изд. Костомаровыи 1,265) подобно блаженой Ульяні, которая «милостыню безмѣриу творя, ревнуя прежнимъ женамъ», сама обнищала (ib. 1, 215). Въ рукописяхъ Румянцевскаго музея (№ 437) находится слово: о иѣкоемъ мілостивомъ человѣкѣ, како продаде себѣ Христа ради и вмилостыню отададе. Наконецъ идутъ настоящіе нищіе. Это неимущіе, захребетники, бобыли, бѣглы, погорѣлы, ослѣпшіе, спившіеся, идутъ они предъ нами, и масса ихъ постоянно увеличивается отъ отсутствія въ жизни всякихъ человѣколюбивыхъ началъ, отъ постоянныхъ разгромовъ, пожаровъ, ежегодно истреблявшихъ цѣлые города, моровыхъ повѣтрій, голодныхъ временъ, рабства и пр. и пр. Костомаровъ говоритъ: «всѣ обстоятельства тогдашней жизни такъ слагались, чтобы плодить нищую братію: ихъ плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и юнѣщики, и ратные люди, и Татары. Какъ набѣжитъ Нагайская орда изъ степей, да пожжетъ хлѣбъ на поляхъ, а въ селеніяхъ избы, — жители, успѣвъ спастись отъ татарскаго аркана въ болотахъ и лѣсахъ и очутившись безъ крова и безъ хлѣба,

расходились по Руси просить милостыни. (Арх. Кал. кн. 4, Ш, 35). Злочастіє своїй жизни такъ описывалъ русскій народъ:

И за то *) Господь Богъ на нихъ прогнѣвался:

Положилъ ихъ въ напасти великія,
Попустилъ на нихъ скорби великія
И срамныя позоры немѣрныя,
Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую, непомѣрную наготу и босоту
И бесконечную нищету,
И недостатки послѣдніе.....

(Горе—злосчастіе. Памят., изд. Костомаровыиъ томъ I, стр. 1. Сравни: Соврем. 1860, № 9, V, стр. 263: о коркахъ хлѣба, покупаемыхъ теперь народомъ у нищихъ).

Въ огрубѣлой массѣ нищихъ вырабатывались жестокія натуры, личности дикія и злобыя. Возвысившись надъ своими собратіями, они дѣлались атаманами, старостами, начальниками, и давали нищенству дальнѣйшее развитіе. На свѣтѣ постоянно жило много такихъ благоче-

*) То есть за грѣхи русского народа: такъ учили въ матушкѣ древней Руси.

стивыхъ, которые, для спасенія своего, чувствовали нужду въ нищихъ, и вотъ, вслѣдствіе этого запроса на нищихъ, явилось и производство ихъ. Атаманы нищихъ собирали дѣтей. Одни изъ этихъ дѣтей были нещастными порожденіями бѣдности и разврата, другія краденыя у матери, третьи сманиенныя нищими или отданыя имъ на воспитаніе. «Вотъ они видятъ ребенка на заваленкѣ, выпрашивающаго мірское подаяніе,—ребенка, обезображенаго въ утробѣ матери, оборванного, грязнаго, возбуждающаго и жалость и отвращеніе: того только и нужно хитрому старику или старухѣ; —ребенка сманиваютъ, уносятъ силой или выпрашиваютъ у бѣдныхъ родителей,—у вдовы-матери, обремененной семействомъ. Обливаясь слезами, или обрадовавшись случаю избавиться отъ выродка, она сама отдаетъ его добрымъ людямъ на попеченіе, причитаетъ надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ, но успокаиваетъ свою совѣсть тѣмъ, что благо (молѣ) его кормятъ, а (можетъ быть) и святой будетъ, за насы грѣшныхъ молить станетъ! (Бочечкаровъ, о воспитаніи нищихъ. Арх. Калач, кн. З. V, стр. 52),

Нищіе за наемъ взятыхъ ими дѣтей платили по 80 к. ас. и по рублю въ день, а за уродливыхъ и по 2 рубля. (Чт. О. И. и Др. 1861 1). Можно представить послѣ этого сумму, которую ежедневно добывали нищіе?... Несчастныя дѣти, выростая на морозѣ, въ голодѣ, и въ вѣчныхъ побояхъ, скоро привыкаютъ къ своему быту. Дѣвочка едва начала говорить, а ужъ повторяетъ извѣстныя формулы просьбы: будьте отцы милостивы, сотворите святую милостынку, поминаючи родителей во царствіи небесномъ; или: подайти копѣечку, подайти Христа ради..... И проходятъ мимо нихъ миллионы благочестивыхъ, подающихъ имъ копѣчки, и вырастаютъ они, и производятъ новыя поколѣнія нищихъ.

Вся эта лѣстница нищѣй братіи поддерживается извѣстнымъ ученіемъ, которое отвергнуто духовнымъ регламентомъ. Подачею милостыни выражалось у древне-русскаго человѣка чувство милосердія и состраданія. Еслибъ не было нищихъ, благочестивый человѣкъ не могъ бы утѣшать своей совѣсти: подать нищему — значило проложить себѣ путь къ прощению

отъ Бога (Арх. Кал. 4, Ш, 35). А потому и говорили, что «въ рай входятъ святой милостыней» (Лѣт. русс. літ. часть 2, ХХІІІ), говорили, что

Нищій богатымъ питается.

А богатый нищаго молитвой спасается.

(Рум. Муз. № 365).

По этому же нищіе считались красою церковною, Христовою братією, церковныни людьми, бого-мольцаами за мяръ, какъ говорить г.: Снегиревъ, прибавляя приэтомъ, что самое богатство церковное, по правиламъ Св. Апостолъ, было (?) богатствомъ убогихъ (Снег. Моск. Пол. Вѣд.). Написано было объ этомъ много «словъ» и «поучений». Такъ, напримѣръ, въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея находятся: поученіе иѣкоего отца духовнаго, — какъ подобаетъ милостыню творити (№ 182, по рук. XVI в.); о управлениі души и о разсмотрѣніи милостыни (№ 359, по рук. XVI); начало пути жизнепому, еже поучатся божественному писанію и жити въ нищетѣ (№ 361 по рук. XVI). Старецъ Павель Высокій оставилъ слово ко всему миру: о холодности къ нищимъ, начинаяющееся такъ: «почто

затворяете врата отъ нищихъ? Слово, какъ увидимъ, отпосилось прямо къ пароду (Рукопись XIV в. Обзоръ духов. лит.). Одинъ, напримѣръ, такъ поучалъ въ XV вѣкѣ: милостыня дерзновеніе имѣеть ко Владыцѣ невозбранно о душахъ грѣшныхъ и отъ узъ тяжкихъ разрѣшаеть, къ Богу на небеса возводить: творлій бо милостыню, той другъ Божій наречется и въ страшный онъ грозный день великаго Божія неумолимаго суда Христа умилостивить и добрѣ свободитъ душу отъ вѣчныхъ мукъ (Снегир. *ibid*). Живетъ человѣкъ долгое время, а все грабить, да распутствуетъ, да пить, да Ѣсть, какъ вдругъ приходитъ смерть. И боится человѣкъ умереть безъ покаянія, боится страшнаго суда Божія и такъ молитъ смерть, обѣщаю ей загладить свои грѣхи разными добрыми дѣлами:

Я поѣду въ домъ свой, побываю,
И много у меня въ дому житья-бытья,
Много злата и серебра:
Я расточу свою казну
По церквамъ, по монастырямъ,
И по нищее братіе.

Хочу своей душъ пользы получить
На второмъ суду, по прошествіи (Сбор.
рус. дух. стиховъ, 129).

Поработать своему спасенію значило раздать
нищимъ имѣніе. Стихъ «о Михаилѣ Архангелѣ»
начинается такъ:

Еще зналъ бы человѣкъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы свлой поработалъ,
Разное свое житѣе-бытье бы пораздовалъ,
На нищую на братію на убогую (ibid. 137).

Въ стихѣ о спасеніи души говорится:

Да тихомирная милостыня,—
Введетъ въ царство небесное,
Въ житѣе вѣковѣчное (ib. 158).

Такова была общая норма спасенія! — Кромѣ
того сильнымъ побужденіемъ къ пропитанію
нищихъ, была милостыня въ видѣ эпитетіи,
налагаемой духовнымъ отцемъ на кающихся
грѣшниковъ, потомъ поминовенія усопшихъ въ
третины, девятины, полусорочины, сорочины
и годовщины, которая точище и неупуститель-
нѣе соблюдались въ старину, чѣмъ нынѣ. И вотъ
вамъ картина древне-русскихъ поминокъ, со-
зданная Костомаровымъ въ его повѣсти изъ вре-

мень XVII вѣка: «Сынъ». Христовы слова: «ищіе всегда имате», запечатлѣлись падъ всею исторіею Россіи. Казалось, откуда бы взяться такому обилію ищихъ въ странѣ, такой дѣвственной и мало населенной? А между тѣмъ, гдѣ только отправлялось поминовеніе по усопшемъ, являлось ихъ чрезвычайное множество. Какъ вороны на добычу, стекались они на эти грустные пиры. Когда хозяинъ, священники и прічетъ проходили изъ церкви въ домъ съ кутьею, ища братія *поднимала* нестройный вой и плачъ, смѣщеніе всевозможнѣйшихъ звуковъ. Иные просили милостыни, затягивая самымъ плачевнымъ напѣвомъ: побейте меня, да покормите! Руки - ноги поломайте, да милостыньки Христовой подайте! Женщины заводили всѣми родами пискливыхъ дикантовъ, въ которыхъ нельзѧ было разобрать ни одного слова, а такъ называемые божіи старцы, полу-ищіе, полу-монахи, обрекавшіе себя, какъ они говорили, на странническое житіе, не просили, а пѣли правоучительные стихи о кратковременности человѣческой жизни и о превосходствѣ монастырскаго житія предъ мірскимъ (стр. 35).

Благочестіе, вызывавшее милостыню, было сильно, но оно далеко не достигало своей цѣли,— оно замерло при самомъ своемъ началѣ. При полномъ отсутствіи въ жизни нравственныхъ началъ, какъ мы уже замѣтили, дѣла милосердія и любви остановились на одной форменной сторонѣ милостыни, на признаніи только одного акта милостыни, и отсюда произошла, такъ называемая, *копѣчнаѧ подача*, которая, въ свою очередь, выработала себѣ новую форму *сороковой милостыни*. Вѣрованіе въ число сорокъ есть остатокъ древнихъ миѳовъ, удержанійся въ жизни подъ другимъ смысломъ. Въ повѣсти о Щилѣ (по рук. XIV вѣка. Памят. изд. Костом. № 2). Архіепископъ Иванъ велитъ сыну Щила молиться за погибшаго отца: «и повелѣ на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетниками довольно, да поютъ пъ тѣ дни по 40 понихидъ и литургіи неизменно, а въ ту сорокъ дній милостыню безпрестанно творити», и продолжать это до тѣхъ поръ, пока отецъ Щила совсѣмъ выйдетъ изъ ада. «И, въ самомъ дѣлѣ, прежде Щилова голова высунулась изъ ада, потомъ онъ самъ до

пояса, а потомъ и весь вышелъ». Во время *беременности*, говоритъ Авдѣева, когда женщина не имѣеть аппетита, беруть у нищихъ 10 милостынь, т. е. 40 кусковъ хлѣба, и она єсть ихъ. (Записки о стар. и новомъ бытѣ). Движимыя благочестіемъ богомолки ходять по монастырямъ, и подаютъ милостыню. Что же они дѣлаютъ? Они покупаютъ связку крошечныхъ баранокъ (величиною въ полкопѣйки), которыя нарочно для сего пекутся, и продаются связками по 40 штукъ, и раздѣляютъ ихъ на каждого нищаго по одной бараночки, что называется *сороковою милостынею*, имѣющею особенное свойство спасать душу. Такимъ образомъ изъ обширнаго развитія древне-русской милостыни не вышло ничего, кромѣ копѣчной милостыни и множества нищихъ, ничего, кромѣ легкой возможности старой дѣвкѣ замолить грѣхи своей молодости, купцу прикрыть злѣ на житое богатство, подъячему успокоить свою нечистую совѣсть, и все это за поданную ими копѣчку, какъ будто этимъ они сдѣлали какое-нибудь доброе дѣло. Смыслъ благотворительности, а слѣдовательно и размѣръ ея идутъ

параллельно съ народнымъ развитіемъ. У насъ народу даютъ копѣйку, чтобы онъ не умеръ съ голоду, а въ древнихъ Аеннахъ бѣднымъ платили деньги, чтобы они могли наслаждаться театральными представленіями. Что, кажется, хуже римской черни, но и это была классическая чернь, требовавшая кромѣ рапет еще *circenses* (хлѣба и игръ!) Милостыня, обращаясь въ пустую форму помощи, въ дѣло лицемѣрія и, освящаясь въ этомъ видѣ, привычкой и повторствомъ, вытѣсняла изъ народнаго сознанія настоящее понятіе о благотворительности, уничтожала въ зародышѣ малѣйшій порывъ къ добруму дѣлу. «Гибнуть, говоритъ г. Курбановскій, цѣлья семейства отъ неимѣнія средствъ выйтити изъ случайной бѣды, а между тѣмъ щедрая благотворительность неразборчиво распространяется на зрячихъ слѣпыхъ и хромыхъ, способныхъ бѣгать» (Совр. 1860 IX, 260). И изъ этой древне-русской безчувственности, породившей пословицу, что на Руси «никто съ голоду не умиралъ», происходило и то, что плохо дѣйствовали многочисленные указы, направленные противъ нищихъ; что

наши попечительные комитеты о нищихъ, составленные (по 427 Св. Зак. т. XIV, о содержащихся подъ стражею, 33—38), изъ мѣстныхъ архіереевъ и начальниковъ губерній, такъ мало приносили пользы. Въ 1854 году губернскіе и уѣздные комитеты 17 губерній дополнили, что распоряженія о произведеніи въ исполненіе высочайшей воли, касательно искорененія нищенства, сдѣланы; но дѣйствій по сему предмету не было, вслѣдствіе не представлениія полиціями нищихъ, хотя таковыя и имѣются въ городахъ. На этомъ основаніи въ 1855 году, изъ 63 губернскихъ комитетовъ, кромѣ столичныхъ, дѣйствовали только 12, изъ 360-ти уѣздныхъ — семь! (*ibid.*)

Эти-то, спасающіе грѣшниковъ, нищіе раздѣлялись на *богадѣленныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, гуляющихъ и леженокъ*. Нищіе, имѣвшіе пристанище въ избушкахъ, назывались *богадѣленными*. «Они, говоритъ Снегиревъ, имѣли почлагъ и пристанище въ укромныхъ избушкахъ, кельяхъ и клетяхъ, кои разсѣяны были по улицамъ,

переулкамъ въ Кремлѣ и Китаѣ, Бѣломъ и Земляномъ городахъ, при церквахъ, часовняхъ и монастыряхъ.» Каменныя богадѣльни стали строить со временія Елизаветы Петровны. Множество богадѣленъ, упоминаемыхъ въ XVII вѣкѣ, никакой не приносили пользы для пріезжія бѣдныхъ. Если кому и удавалось жить тамъ и полу́чать содержаніе, то это были случайные люди, дармоѣды. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный возсталъ противъ нихъ на Стоглавомъ Соборѣ, и велѣлъ всѣхъ ихъ повыгнать изъ богадѣленъ. Всѣ же остальные, находившіеся въ богадѣльняхъ кровъ, были обыкновенными нищими, которые только назывались богадѣльными. До сихъ поръ существуютъ богадѣльни при кладбищахъ; живутъ тамъ нищія старухи, и всякий разъ, когда кого-нибудь хоронятъ, богадѣленки не дадутъ спокойно зарыть могилу, и требуютъ милостыни. При царскомъ дворѣ, въ Кремлѣ, существовали нищіе подъ именемъ *боголюльцевъ верховыхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но даже и жалованье и *форменную одежду*. Они дожили до Петра и разъ просили у него *корлюсь и жалованья*,

какие они получали при его родителяхъ. (Снег.) Ко дворамъ, гдѣ хранились царскіе запасы, также приписаны были нищіе, и были чѣмъ-то въ родѣ служащихъ. Таковы были нищіе Аптекарскаго двора. (Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх. II, 71.) Были нищіе, жившіе при соборахъ, по свидѣтельству г. Снегирева, *въ родѣ штатныхъ*. «Такъ, сидѣвшіе при Успенскомъ соборѣ, убогіе и калеки именовались успенскими», другіе архангельскими, васильевскими (Василія Блаженнаго) и чудовскими. «Успенскихъ нищихъ было 12, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ». (Снег. *ibid*, 25). Были, вѣроятно, нищіе и при областныхъ соборахъ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ города Мурома 1637 года: «въ осыпи-жъ позади церкви Николы, что за Хлѣбнымъ рядомъ, мѣсто дворовое соборнаго протопопа Федора, а нынѣ на томъ мѣстѣ дворъ соборнаго попомаря Васьки Тимофеева, да четыре кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, платятъ соборному протопопу Федору съ братію на годъ съ кельи по гривицѣ, и того 12 алтынъ, 2 деньги. (Влад. Губ. Вѣд. 1853, № 45.) Извѣстны патріар-

шія богадѣльни, называвшіяся *домовыни* или *келейныни*. Для содержанія патріаршихъ нищихъ, собирались пошлины съ церквей, по 3 алтына съ каждой, и пошлины собирали десятишики, недѣльщики, намѣстники. При монастыряхъ состояли цѣлые слободы нищихъ, какъ, напримѣръ, при Новгородско-хутынскомъ и Троице-сергіевомъ (ист. Рос. Іерар. 2). Для монастырскихъ нищихъ выдавались отъ царей руги и милостины (Соборъ 1557). Въ писцовыхъ книгахъ города Мурома значится: въ городе четыре двора монастырскихъ, «а въ тѣхъ дворехъ 63 человѣка дворниковъ — бродячихъ людей, тягла не тянутъ и никакихъ податей не дѣлаютъ, а люди бѣдные, бродящіе, кормятся своеї работою, а иные питаются Христовымъ именемъ (Вл. Г. В. 1853, № 44). Тоже было и при церквяхъ. Около каждой церкви была одна или нѣсколько избъ, гдѣ жили *церковные нищіе*. Несчетное количество церковныхъ нищихъ наполняло сѣверную часть Новгородской области. Всѣдѣ за ханжами и раскольницами тянулись туда изъ Московскаго царства и толпы

нищихъ, и тамъ, въ глухи и въ невѣдомыхъ заозерныхъ пространствахъ, наполненныхъ церквами и монастырями, они селились цѣлыми слободами. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка: Обонѣжской пятины, погостъ имоченитской на Ояти, а на погостѣ церкви.... да 10 келей, а въ нихъ живутъ 12 братьевъ чернцовъ, да пять келей, *а въ нихъ живутъ нищіе бѣльцы, старицы.* (Невол. VI). На рождественскомъ погостѣ 11 келей, а въ нихъ 14 старицъ, да 15 келей, а въ нихъ живутъ нищіе старцы и старицы (ib. 173). Погостъ покровскій на Вытегрѣ за Онѣгомъ, а на погостѣ 20 келей, живутъ въ нихъ старцы (стр. 175) и т. д. По другимъ писцовымъ книгамъ видно, что въ 1674 г. «на бѣлоозерѣ и на посадѣ посадскихъ же людей старыхъ и увѣчныхъ, и которые бродятъ въ мѣрѣ 112 дворовъ, а людей въ нихъ живутъ 189 человѣкъ. (Акты Юр. 256). Въ Муромѣ, напримѣрь, въ 1637, считалось «47 келей чорныхъ старцовъ и старицъ, да 8 келей нищихъ, да на монастырскихъ же и церковныхъ земляхъ 104 дворищковъ бобыльскихъ».

(*Влад. Губ. Вѣд. 1853, № 49.*) Число нищихъ, жившихъ при московскихъ и новгородскихъ церквяхъ, было громадно. О церковныхъ нищихъ до насъ дошли два распоряженія: Судебникомъ царя Ивана Васильевича (§ 91) велѣно было нищихъ отъ церкви удалять: на монастыряхъ быти нищимъ, которые пытаются отъ церкви Божией, а патріархъ Ісаакій въ 1678 г. велѣлъ сломать нищенскія избы, стоявшія по улицамъ, а нищимъ приказалъ жить у церквей, где пристойно (Лит. Вечеръ М. 1844. 21).

Наконецъ, калики и леженки, свидѣтельствуетъ г. Снегиревъ, имѣли днемъ постоянное пребываніе на мостахъ: старомъ каменномъ (Троицкомъ), на Никольскомъ, Спасскомъ и Куретномъ, потомъ на Всесвятскомъ, или Берсеневскомъ, у Троицкаго подворья въ Кремль и на Варварскомъ крестцѣ, также на другихъ крестцахъ. Тамъ было сборное мѣсто нищихъ изъ разныхъ сословій; тамъ сходились удрученные бѣдностю, старостю, или педугами, пѣвицы Лазаря, по большей части слѣпые, жалобнымъ, заунывнымъ голосомъ испрашивавшіе себѣ подаяніе; тамъ же выставлялись гробы, для сбора

въ ипхъ милостыни, а божедомы вывозили изъ убогаго дома въ тележкѣ подкидышей.

IV.

Всѣ, дошедши до насть памятники доисторической жизни Славянъ, свидѣтельствуютъ, что въ то время нищихъ не было, да и не откуда было имъ взяться; пародъ жилъ замкнутыми родами, а земля была велика и обильна. Но при Владимирѣ уже упоминается о баспословномъ числѣ нищихъ, а при Ярославѣ они получаютъ юридическое положеніе въ обществѣ, дѣлаются *людьми церковными*. Какъ установилось тогда понятіе о нищихъ, мы можемъ видѣть паъ слѣдующихъ лѣтописныхъ указаній. Въ 1113 году вдова Святополкова раздѣляетъ богатство свое «въ монастыри, попамъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ». Въ 1154 г. Ростиславъ раздаетъ монастырямъ, церквамъ и нищимъ порты, золото, и серебро. Въ 1187 г. Ярославъ Галицкій раздаетъ все имѣніе монастырямъ и нищимъ. Въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичъ нищихъ милуетъ. Въ 1195 г.

«Давыдъ, позва манастырѣ всѣ на обѣдъ, быль съ ними весель, милостыню сильну раздава имъ и нищимъ, и отпусти я». Сплетая похвалы князьямъ, книжники и грамотники не думали отыскивать въ нихъ какихъ-либо гражданскихъ, или военныхъ добродѣтелей; они пѣли на всѣ годоса объ одномъ княжескомъ нищелюбіи. Про Владимира говорили, что онъ раздалъ однажды нищимъ 500 гривенъ. Если то была новгородская гривна, то выходитъ, согласно Погодину, что онъ раздалъ 3000 р., а если кievская, то 2000 р. сереб.: сколько же было тогда нищихъ, и откуда это они вдругъ могли явиться, словно налетѣвшая на землю саранча?....

Много хвалятъ въ 1212 г. Всеволода Юрьевича, и плачутся по немъ, какъ по *кормилецъ нищихъ*. Про одного князя говорятъ, что онъ «кормитель бяшеть чернцомъ, чернецамъ и убогимъ и всякому чину, яко возлюбленный отецъ бяшеть, паче милостынею бяще милостивъ», а про другаго, что онъ *утѣшаль нищихъ* (Пол. собр. лѣт. II, 221, 390). Не будемъ снова повторять всѣ эти похвалы, продолжающіяся отъ XII до XVIII вѣка, а лучше обратимъ вни-

маніе на самый характеръ столь похвальнойной благотворительности. Русскіе цари, предъ наступлениемъ великаго поста, на сырной недѣлѣ, раздавали обильную милостыню, а потомъѣздили по монастырямъ прощаться со старцами и одѣяли ихъ милостынею, а про царицу говорили, что она ходила. (Забѣлинъ. Москвит. 1850, 5). Цари и царицы часто дѣлали походы по монастырямъ; но дорогамъ, гдѣѣхалъ царскій поѣздъ, собранный съ чисто азіатскою роскошью (Котошихинъ, Забѣлинъ) выходилъ нищіе и ложились, и подавалась проѣзжая милостыня нищимъ, лежанкамъ, дряхлымъ старцамъ и всякимъ убогимъ и бѣднымъ людямъ. Изъ изслѣдований Забѣлина «о троицкихъ походахъ», мы приведемъ сколько цыфръ, которыя укажутъ читателю на размѣръ и смыслъ царской милостыни. «Въ 1636 году, сентября 21, какъ царица Евдокія Лукьяновна пошла изъ Москвы въ троицкій осенний объездъ, и по ея государынину приказу на Москвѣ и по дорогамъ нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ раздано на милостыню рубль девънадцать алтынъ. Того же дни государыня пришла въ село То-

нинское, и по ея государынину приказу села Пушкина *попу рубль*—подносиль съ попадьею блинки. Октября 2, въ Юрьевъ-Польскомъ, какъ государыня ходила молиться въ соборъ, и за ихъ государское здоровье нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни 2 р. 30 алтынъ. Октября 8, какъ государыня пошла изъ Александровы слободы и, идучи дорогою, пожаловала разныхъ сель попомъ—четыремъ человѣкамъ, да дьячку милостыни *рубль*, да черному старцу-пустыннику, да уродливому по 8 алтынъ по 2 деньги человѣкку, да нищимъ по рукамъ *18 алтынъ*. Ко времени царскаго пріѣзда въ монастырь стекалось туда множество нищихъ, и нищимъ и монастырской братіи цари раздавали щедрую милостыню. Не смотря на богатства Троице-Сергіевой Лавры въ XVII вѣкѣ, цари и царицы въ частыя посѣщенія Лавры удовольствовали игумена съ братіею милостынею и кормолю (Троицкіе походы, стр. 5). Въ 7172, 15 генваря, въ Савинѣ монастырѣ раздано: на молебень 30 р., въ придѣль Саввы Чудотворца 10 р., ручныя милостыни архимандриту да келарю 3 р., казначею да боль-

ничному строителю по 2 руб., соборнымъ старцамъ — двумъ человѣкамъ $1\frac{1}{2}$ р., 20-ти священникамъ по 40 алтынъ, 30 дьяконамъ по 30 алтынъ, гробовому ризничему, уставщику, головщикамъ — двумъ человѣкамъ по 40 алтынъ, конархистомъ, крылошаномъ, пономоремъ, просвирному по 20 алтынъ по 4 деньги, большимъ служебникомъ 14 человѣкамъ по 40 алтынъ, сенадищику 23 алтына, рядовой братіи — 63 человѣкамъ, больничнымъ 37 по 20 алтынъ, тремъ конархистомъ по 10 алтынъ, келейникомъ у архимандрита и у келаря и у казначея и у больничной братіи — 7 человѣкамъ по 2 гривны, пришлымъ старцомъ, и потомъ и дьячкомъ вдовымъ по гривнѣ, нищимъ и стрѣлецкимъ жональ на раздачу архимандриту 5 рублей. Разныя были цѣли, съ которыми подавалась въ монастырь милостыня. Подавали ее для поминовенія родителей, для того, чтобы молились о новорожденныхъ и о больныхъ; подавали ее и потому, что монахи просили о ней. Въ 1399 г. чернецъ Бѣлоозерскаго монастыря Кирилль такъ писалъ великому князю: «Кирилль чернечище, грѣшный и непотребный съ своею

братицю, просить милостыни,... а милостынку бы есте посыпъ давали: понеже, господине, поститесь не можете, а молитесь также, ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня, вамъ недостатокъ исполнить». Царская милостыня въ монастыри была какой-то государственной обязанностию, чѣмъ-то въ родѣ жалованья, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Котомахина: поповъ, и діаконовъ, и служебниковъ соборныхъ церквей и иныхъ кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день; а инымъ есть и пить даютъ въ дому; да имъ же даютъ деньги, чтобы они за ихъ государское здоровье молили Бога, по 10 и по 5 рублей и меныше, а меныше самое по полтинѣ, смотря по церквамъ, какъ кому годовое царское жалованье идетъ. А въ города посылаются царскія грамоты, соборныхъ и иныхъ церквей попомъ и дьякономъ велять давать молебныя деньги, противъ московскихъ вполы, изъ городскихъ доходовъ. Да съ Москвы-жъ въ города по монастыремъ посылаются столники, стряпчие, жилцы, съ милостыною и съ молебными деньгами, и кормить черницовъ—и даютъ деньги по 5 рублей и по 4 и по 3 и по 2

и по рублю и по полтинѣ и меньше чернцу, смотря по человѣку, да по полотенцу и по 2 платка. А по веселии его царскому, пойдетъ царь съ царицею по московскимъ монастыремъ, и молебствуютъ, и кормятъ чернцовъ, и даютъ милостыни: архимандритомъ, и игуменомъ, и келаремъ по 20 и по 15 и по 10 рублевъ человѣку» (Котошихинъ, изд. 1859, стр. 11). Упоминаемыя Котошихинымъ *корлленія поповъ и діаконовъ*—это были, такъ называемые, *столы*. Эти столы остатокъ древнихъ родовыхъ обычаевъ угощать по праздникамъ своихъ близкихъ, неимущихъ, принадлежащихъ къ роду, и пришельцовъ (странниковъ), впослѣдствіи устроивали съ чисто - религіозными цѣлями. Столы бывали въ большихъ монастыряхъ и у патріарховъ. Такъ при патріархѣ ежегодно учреждаemo было девять столовъ: семь во всю свѣтлую седмицу, осмый въ праздникъ Успенія Богоматери и девятый на Сирной недѣлѣ, на память святѣйшихъ патріарховъ. Крупицами отъ сихъ трапезъ кормили убогихъ» (Литер. Вечеръ. М. 1844, 26). Столы эти указомъ 1729 г. уменьшены до трехъ, а теперь быва-

еть только одинъ въ день Успенія Богородицы, къ которому въ крестовую палату приглашаются всѣ высшіе военные и гражданскіе чины, а нищіе ужъ болѣе не приглашаются. Наконецъ, часто бывали царскіе столы для бояръ и духовенства; къ столамъ приглашались нищіе и убогіе. Такъ въ 1678 году у патріарха кормлено было нищихъ 2,500 человѣкъ.

Во время свадебъ, великихъ праздниковъ и въ поминальные дни царскіе покой наполнялись толпами нищихъ, обѣдавшихъ за особыми столами. Особенно щедры были на эти угощенія царица и царевны, жившія по *Домострою* попа Сильвестра, учившаго: «нищихъ, и маломожныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцевъ призываи въ домъ свой и, по силѣ, на корми и напой.» Мы уже видѣли, что по народнымъ преданіямъ, жена князя Владимира угощала нищихъ заморскими винами; въ ея покояхъ нищіе *или*, *льши*, *потѣшалися*. Тоже самое и въ XVII вѣкѣ. У Мароны Матвѣевны, напримѣръ, на поминкахъ по царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ, въ пять дней кормились 300 нищихъ, и каждому изъ нихъ дано по чаркѣ вина

двойного и по кружкѣ меду. У Прасковыи Феодоровны по царѣ Иванѣ Алексѣевичѣ кормились тоже 300 человѣкъ въ 5 дней. У Татьяны Михайловны въ 9 дней 220 человѣкъ. У Евдокіи Алексѣевны, съ сестрами, въ 7 дней 350. Мало было царицамъ угостить нищихъ, имъ еще нужны были бесѣды съ нищими, богоугодные съ ними разговоры. Въ 1665 г. въ недѣлю Женѣ Мироносицѣ, въ теремныхъ покояхъ царя кормлено было 60 нищихъ. Вотъ пакормили и напоили ихъ, роздали имъ денегъ, и отпустить бы ихъ. Нѣтъ! нищая братія изъ покоеvъ царя взята была въ царицыны хоро-мы, гдѣ имъ роздано было еще семь рублей. Въ XVII в. нищіе, юродивые и тому подобные люди поѣдали и выпивали большую часть царскихъ запасовъ, а запасы эти были велики. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Туманскаго, «царицѣ Мароѣ Матвѣевнѣ для тезоименитства ея было отпущенено вина 20 ведеръ, 7 кружекъ, 8 чарокъ, да къ святому патріарху романеи, бастра, ренского, всего четыре кружки съ полукружкою.» Если же царицы удалялись въ монастырь, то и туда къ нимъ собирались ни-

щіе, и туда отпускалось имъ такое же количество вина, какъ и въ мірѣ. Июкѣ Сусаниѣ (Софьѣ) отпускалось по ведру пива приказанаго и пива мартовскаго, два ведра пива приказанаго хмѣльнаго и легкаго, четыре бочки полубеременныхъ ренскаго, бочка церковнаго, всего же 75 ведеръ, а кромѣ того: водки коричневой, аписовой и пр.... И вотъ, вслѣдствіе такого-то кормленія и такого *выхованія*, по выражению одного сборника XVI в., нище откармливались и размножались. Воровство и грабежъ, свидѣтельствуетъ Флетчеръ, были часты отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неоступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: дай мнѣ, или убей меня! Обители, говорять отцы Стоглаваго Собора, богатыя землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни отъ государя: впредь да не стужаютъ ему! И вотъ, по словамъ Стоглава, чернцы и черницы, бабы и дѣвки, мужи и жонки, лживые пророки, волосатые и съ бритыми макушками (гуменцо), то въ рубищѣ, то босые въ однѣхъ рубашкахъ, то совсѣмъ нагіе; одержимые бѣсами и блаженные, святоши и окаянны; лишенные ра-

зума, прокураты и цѣлье строп каликъ и лазарей ходятъ, ползаютъ, лежатъ, гремятъ веригами, трясутся, скитаются по улицамъ, и по селамъ, и по деревнямъ, и въ волостяхъ. Одни собираютъ на церкви, другіе пророчествуютъ объ антихристѣ; эти поютъ стихи, а тѣ показываютъ раны; всѣ же они не Бога ради скитаются, свою волю дѣлютъ. Ими наполнены княжеские и царскіе терема, торги, площади и крестцы; ими набиты всѣ церкви, а церквей много. Во время службъ, по словамъ патріарха Ioасафа, по церкви бѣгаютъ шпины человѣкъ по десяти и больше, съ пеленами на блюдахъ; собираютъ на церковь, являются малоумными, въ церкви смута, брань, драка, пискъ и визгъ. драка до крови и лай сирадный, ибо многие приносятъ въ церковь палки съ наконечниками..... Всю эту картину видѣлъ Гроаный. Она мучила его добroe и честное сердце, она раздражала его не менѣе боярскихъ казней. И вотъ благонестивый царь, возмущенный положениемъ своего государства, сзываетъ Соборъ святителей, и, нарисовавъ предъ изумленными глазами ихъ, картину окружающей ихъ нищеты,

просить у нихъ содѣйствія, грозитъ имъ Божіимъ судомъ. Онъ говоритьъ: «милостыня и кормъ годовой, хлѣбъ, и соль, и деньги, и одежда по богоадѣльнымъ, по изbamъ, по всѣмъ городамъ даются изъ нашея казны, и христолюбцы милостыню даютъ же; а нищіе, и клосные, и гнилые, и престарѣлые, въ убожествѣ гладъ, и мразъ, и зной, и наготу, и всѣную скорбь терпятъ, не имѣютъ гдѣ главы приклонити, по міру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются (?), отъ глада и мраза въ недозорѣ умираютъ, и безъ управы и безъ покоянія, и безъ причастія, *никимъ не брегомы.* И о тѣхъ, что промыслите? Православнымъ царемъ и княземъ и святителемъ достоитъ о нихъ промыслити». Соборъ святителей на это отвѣчаетъ, что надо всѣхъ нищихъ и больныхъ описати по всѣмъ градомъ, что надо въ коемждо градѣ строити богоадѣльни, а боголюбцы милостыню и вся потребная имъ привесуть ради своего спасенія (Стоглавъ. Гл. V, LXXII). Голодъ при Борисѣ Годуновѣ производить новые ряды нищихъ: въ то бо время, безъ числа нищихъ бѣ (Памят. изд. Костом. 1. 5.) Нищими занимается Соборъ

1681 года. Царь Феодоръ Алексѣевичъ въ указѣ 1682 года говоритъ, что по улицамъ бродятъ и лежатъ нищіе; притворные воры, прося подъ окнами милостыни, подмѣ чаются, кто и какъ живетъ, чтобы послѣ обокрасть; малыхъ ребяти съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобы люди, на нихъ смотря, умилиались, и больше имъ милостыни давали; сидятъ обездраженные болѣзнями, такъ, что чреватыя жоны ихъ пугаются; великое число дѣтей по улицамъ бродить, и ничему ихъ не учать. Царь повелѣлъ, между прочимъ, нищихъ дѣтей учить наукамъ и мастерствамъ. (Царств. Феод. Алекс., соч. Берх., Приложенія, стр. 86—100). Приближался XVIII вѣкъ.

Первое сомнѣніе во святости нищихъ, первыя положительныя мѣры противъ нихъ принадлежать XVIII вѣку. Въ этотъ вѣкъ является борьба государственного начала съ лишеніемъ и совершается она въ одно время во Франціи и Россіи. Но Петръ, бывшій у насъ проводникомъ этого новаго движения, былъ въ то время и сыномъ древней Руси, а потому и мѣры,

употребленыя имъ противъ нищихъ, были отчасти круты и жестоки. Древне-русское общество, заступаясь за нищихъ, возстало противъ Петра, но не за жестокія его мѣры, — они были въ духѣ древней Руси, а за невѣріе въ нищихъ. Шевѣріе! кричитъ одинъ: «кто теперь милостыню любве ради ко Христу подаетъ неоскудно, про того говорять: не знаетъ, куда имѧе свое употреблять, не къ рукамъ досталося» (См. Щаповъ. Русс. Раск. Старообр.) Въ 1691 году велять забирать гулящихъ людей, которые подевавъ руки, также и ноги, а иные глаза занѣся и зажмуря, и притворнымъ лукавствомъ просить на Христово имя, и разсыпать ихъ по мѣсту жительства; а если они снова появятся, бить кнутомъ и ссылать въ дальніе Сибирскіе города. Повторяя этотъ указъ въ 1694 году, прибавляли: безмѣстныхъ черицъ и черницъ, поповъ и діаконовъ, чтобы они по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились, приводить въ Острѣцкій приказъ (Пол. Собр. Зак. № 1489). Является неслыханная дотолѣ вещь: запрещаютъ по улицамъ и въ церквахъ подавать милостыню. Указъ 25 фев-

рала 1718 года велигъ неистовъхъ монаховъ и нищихъ, которые ляляются на Москвѣ, и ходять по гостямъ, и по рядамъ; и по улицамъ, и сидять на перекресткахъ; и жалованыи имъ боядилью: имая ихъ, приводить въ Монастырскій приказъ, а милостиини отнюдь имъ не подавать; а если кто пожоетъ дать милостьшию, то имъ отсылать ее въ боядилью; а которые послѣ этого будутъ подавать милостьшию, то ихъ также приводить въ приказъ и имать на нихъ штрафу: въ первый разъ по пяти, а въ другой по десяти рублью, а для присмотру вышеупомянутыхъ неистовыхъ монаховъ и нищихъ, и подавцевъ милостиини опредѣлить нарочныхъ поимщиковъ. Въ томъ же году вышли указы: 25 мая — о нищихъ, 20 июня № 5816 съ замѣчаніемъ, что нищихъ паки умножилось. Пойманыхъ въ первый разъ, въ послѣднемъ указѣ, велять бить батожемъ пещадие; буде въ другой разъ будуть пойманы, бивъна плещади кнутомъ, посыпать въ каторжную работу, а бабы въ шинигаузъ, а ребята и мѣстечкамъ. Воеводамъ, по инструкціи, данной имъ въ 1719 году, поручено смотрѣть .

за гуляшими и уважающими людьми, и имѣть главный надзоръ за прядильными домами. Указъ земль 1720 г. подтверждено запрещеніемъ по улицамъ и по церквамъ милостыни не просить и никому не давать. Старовѣры, безъ семнѣнъ, недовольны были этимъ. Просоцковъ о послѣднемъ указѣ отказывался, что онь: «учиненъ не весьма здраво, и тѣмъ никогда не унять, да и невозможно унять, и то положение не безъ противности». Указомъ 1722 г. велено имѣть штрафъ съ тѣхъ, къ кому наше пристаютъ (т. е. кто ихъ держитъ). Новый взглядъ на инициативу развить съ особеннымъ вниманіемъ въ духовномъ регламентѣ, изданнымъ святѣйшимъ синодомъ по повелѣнію Петра Великаго и остающимся во всей силѣ до настоящаго времени. Вовставая противъ бездѣлъническихъ, которые, при полномъ здоровьѣ, по мѣру ходятъ безстудно, регламентъ говоритъ, между прочими, что «левицкіи аные начальники сочиняютъ нѣкая безумная и душевредная лѣкарія, и онага съ притворнымъ стечаниемъ предъ народомъ походятъ и простыхъ невѣжъ еще вящие обезумливаютъ, приемля за то награжденіе себѣ. По дорогамъ

гдѣ угодно грабятъ, разбиваютъ, зажигаютъ суть, на шпионство отъ бунтовщиковъ напряжаются, самую власть злѣ обносить, въ церковь входить не свое дѣло помышляютъ, только бы имъ предъ церковю ворить непрестанно. Младенцемъ очи ослепляютъ, руки скручиваютъ, а иные члены развращаютъ, чтобы были прямые низде. Во истину есть беззаконийшаго чина людей.» Регламентъ (уложение, которымъ досель должна руководствоваться Церковь) уничтожаетъ подачу милостыни по улицамъ и по церквамъ; и пелитъ обращать ее въ монастырское управление и отсыпать туда всѣхъ нищихъ; онъ въ первый разъ проводить въ жизнь идею о благотворительности; идеей благотворительности руководится и правительство. Имѣя у себя въ государствѣ 478 монастырей, очень богатыхъ; Пётръ думалъ, при помощи милостынныхъ денегъ, завести при монастыряхъ пріюты, богадѣльни, школы, работные дома, прядильни, и тѣмъ уничтожить нищихъ и насадить всеобщее довольство. Хотѣли привести въ извѣстность монастырскіе доходы, чтобы, по разсчету ихъ можно было видѣть, сколько нужно будетъ

употребить на монаховъ, и сколько можно будетъ удѣлить на содержаніе училищъ, а монастыри, надо замѣтить, имѣли тогда въ своемъ владѣніи до миллиона душъ, кромѣ другихъ недвижимыхъ собственостей. О заведеніи школъ по монастырямъ думалъ еще царь Феодоръ Алексѣевичъ (Берхъ стр. 94). И вотъ заведены были монастырскіе пріюты; но монастыри, сбирая подаянія, «нищихъ, увѣчныхъ, инвалидныхъ» принимать къ себѣ отказывались, яко-бы за неизмѣнно правдивъ листъ; а потому эти несчастные, по утѣшению отъ монастырскихъ властей, снова принуждены были бродить по миру». (См. Рус. Вѣсн. 1860 г. 4). Изъ женскихъ монастырей хотѣли сдѣлать мастерскія (шпилгаузы) для женскихъ работъ, какъ-то: пряденія, шитья, тканья; выписаны были изъ-за границы (изъ Голландіи), знающія этотъ порядокъ дѣль монахини, были собраны мастерицы и изъ русскихъ. Въ 1722 г. сентябрь 7, прибыли въ Княгининъ успенскій монастырь мастерицы прядильного дѣла—Елена, Праѣковъя Козмины, и Авдотья Андрѣева, а съ ними присланы были и материалы: инструменты, гайки

и щетки, льну чесальмого 12 золотниковъ, и сырцу 17 пудовъ. Въ продолженіе года выучили оиъ 12 монахій: 6 прядилокъ и 6 чесалиницъ. (Арх. Кал. 1859, IV). Но и эти прядильные мастерекі съ ихъ гайками и щетками пошли туда же, куда и пріюты, и отъ всѣхъ иннингаузовъ по монастырямъ остался одинъ только *Spinnhäusern* въ Павловскѣ, да и тотъ увеселительный. Сунодскій указъ августа 14, 1731 года, говоритъ, что паки нищихъ умножилось, а паче при церквяхъ и въ рядахъ, и, согласно доношенню полицеймейстерской канцеляріи, и указа сената 1731 г. мая 6, дѣлаетъ распоряженіе «о недопущеніи священникамъ и прочимъ церковникамъ оныхъ нищихъ просить при церквяхъ милостыни, и о прилежномъ того смотрѣніи». Но вотъ у г. Снегирева находителъ извѣстіе (*Москов. Полиц. Вѣд.*), что указами 1731, августа 14, и 1758, мая 25, согласно съ древніемъ правомъ убѣжища (*jus asyli*) не вѣльно было братъ и выводить нищихъ изъ дома Божія. Такихъ указовъ въ полн. собр. зак. мы не нашли, а потому и не знаемъ, откуда это взялъ Снегиревъ, что въ копцѣ про-

лаго вѣка вновь появилось древнее русское юрисдикционное право. Вот распоряжения о нищихъ, по прежнему, сопровождались рыканьями старовѣровъ. Чиновникъ Беркъ-Коллеги Аврамовъ, состоявший за фанатизмъ въ Охотскій острогъ, снова жилъ въ 40 годахъ, снова вооружился протестами антидревнюю Русь, и звѣть что они тогда предполагали сдѣлать. Паспортныхъ листовъ, гово- вили они, многочисленно напечатавъ, разослать по всѣ епархіи ко архиереямъ и во все государство къ приходскимъ священникамъ. И егда, въ которомъ церковномъ приходѣ кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священному желание свое къ постриженію, или ради Христы кто пожелаетъ странствовать и милостынею питасться и таиновыхъ въ постриженіе и на странствованіе желающихъ обучать и наставлять по разуму законамъ Божиимъ и заповѣдей три мѣсяца, и потомъ отпускать въ таковой, Богомъ благословленный, спасирщи божественный путь и всякаго, благодаря Бога, радостию безъ задержанія. Отъ всен святыхъ церкви щедрованъ милостыни имѣются узаконенія, ученыя и повелія, а никогда не переборахъ и раз-

борать, о бѣдныхъ ищихъ людяхъ, кто достоинъ милости, кто недостоинъ милости ини, кому давать милостыню, кому не давать милостыни, искони такомаго между православныхъ христианъ закону и учения и въ и не бывало. А что приводить обученіе апостольское, и сное обученіе токмо принадлежитъ посполито на всѣхъ главнѣйшихъ, и среднихъ и меньшихъ человѣкъ; въ отважденіе всѣхъ отъ человѣческой всякой лѣни, приводя въ общее всѣхъ житіе трудолюбное, всякому по своему званію. Немало же не принадлежитъ сное апостольское обученіе въ противность закону евангельскому о довольствіи ищихъ — меньшихъ братьевъ Христовыхъ, напаче же во оныхъ самого Христа для сущаго, наиближайшаго всѣхъ насть вѣнчаго спасенія. Этихъ убежденій Авраамова не могли поколебать ни освѣка; ни застѣнокъ; ссы слова говорилъ, и слова былъ судимъ, и слова терпѣль дошины застѣнокъ. (Пекарскій. Современникъ 1860, X, V, 632). Опять идутъ указы о щедрѣ, потоъ они прекращаются, но не прекращаются вѣнчіе, потому что никако недвигаетъ народное просвѣщеніе.

Вы слышали въ эпиграфѣ, что поетъ Иванъ Аксаковъ! Надъ новой Россіей паритъ еще древне-русскій противуисторіческій, противу-общественный, враждебный народу духъ, по-творствующій нищенству, и нищіе до сихъ поръ сохраняютъ свой старинный характеръ.

Послѣ 12 года, говорить Бочечкаровъ, Москва не вдругъ отстроилась заново, а долго еще оставались цѣлые пустыри, на которыхъ жилья не было: тамъ-то, въ развалинахъ домовъ бывъ притоинъ всяконому непутному народу, въ томъ числѣ и нищимъ. Мнѣ разказывали многіе Москвичи, что по ночамъ слышались изъ этихъ катакомбъ шумъ и гамъ страшныя, доказывав-ши, что нищенствующія артели, которымъ не для чего было отправляться на ночной про-мысел мазуриковъ, отдыхали отъ трудовъ лице-мѣрія и наглости за веселымъ прирестомъ (Арх. Кал. III, V, 59). Многіе помнятъ еще, какъ недавно на месте нынѣшнаго Петровскаго парка въ ямахъ, где рыли глину, жили нищіе, занима-вшіеся самыми безобразными развратомъ. А Макаровъ свидѣтельствуетъ (Народ. преданія. М. 1840), что еще недавно не было той улицы,

гдѣ бы не стояди толпы нищихъ, что и теперь, всякий можетъ провѣрить своими собственными глазами, обойдя въ воскресенье утромъ московскія церкви.

V.

Нищихъ ростилъ и воспитывалъ указанный нами древне-русскій обычай, съ виду такой благочестивый и патріархальныій, а въ сущности безжалостный и вредный. Древняя же Русь никогда такъ хорошо не сохранилась, какъ у купечества, а потому мы имѣемъ право смотрѣть на него, какъ на главнаго производителя нищихъ и нищенства. Это на первый разъ кажется страннымъ, но взглянитесь и действительно такъ. Нищихъ плодить обычай, вмѣсто оказанія какой либо помощи, подавать копѣешку. Копѣечная благотворительность обширина и сю поддерживается громадное число нищихъ, — этихъ несчастныхъ существъ, осужденныхъ вѣчно получать копѣечки, какъ ни велика была бы ихъ бѣдность, и какъ ни богатъ быть бы человѣкъ, который имъ подаетъ. Съ дру-

гой стороны, обычай подавать всякому, кто ни попроситъ копѣтку, породилъ массу промышленниковъ, людей, у которыхъ нищетство есть вѣрный и доходный промыселъ,—и промыселъ этотъ такъ и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Чтобы лучше ознакомиться съ этой стороной нищенства, войдемте въ московскій городъ, въ московскіе городскіе ряды, старинный притонъ нищихъ. Ряды биткомъ набиты нищими, которые съ ранняго утра до поздняго вечера сплютъ тамъ взадъ и впередъ, не давая ни прохода, ни покоя ни покупателямъ, ни торговцамъ. Это какая-то саранча, вылетающая ежедневно изъ разныxъ дальнихъ и ближнихъ вайбулковъ столицы, и облипаящая всякаго встрѣчнаго. Приступая къ подробному обзору ихъ, мы должны прежде всего отдѣлить настоящихъ нищихъ отъ воровъ и промышленниковъ. Истинные нищие набираются изъ разныхъ людей, которые по старости и по болезнямъ и по другимъ причинамъ не могутъ работать. Таковы многие старые солдаты, слѣпые, безрукіе, уродцы, люди дряхлой старости, девти—сироты и проч. Они блужда-

ютъ по церквамъ, по похоронамъ, по рядамъ, лавкамъ и магазинамъ, — блуждаютъ, потерявъ надежду приклонить, когда нибудь голову въ богадѣльни, или пріютѣ, — эта роскошь не для нихъ. Чтобы поступить въ богадѣльню и т. п. надо имѣть *случай*, потому что, хотя и много богадѣлень въ Москвѣ и другикъ городахъ, но право поступить туда даются не хромымъ, слѣпымъ, больнымъ, а *счастливымъ*. И вотъ случай часто падаетъ на молодыхъ, здоровыхъ. Многие изъ нихъ, поступивъ въ богадѣльню, только считаются тамъ, а сама проживаютъ у знакомыхъ и родныхъ. Другие, поступивъ туда, томятся отъ скучи и при первомъ случае бѣгутъ вонъ, предпочитая ниществовать. Иные же, хотя и живутъ въ богадѣльняхъ, но не перестаютъ собирать милостынью, употребляя собранное или на волку, или же на свое содержание въ богадѣльняхъ, которые даютъ имъ только квартиру, да названіе *богадѣльной*, *богадѣльного*. Таковы все богадѣльни ча кладбищахъ. Всякаго покойника, привезеннаго на кладбище, сейчасъ обѣдываютъ кучи старухъ и здоровыхъ бабъ, и тра-

бують пода́ній: Дали мало,—ругаются. Богадельни, гдѣ они живутъ, приносятъ хороши доходъ отъ отдачи внаимы комнать для похоронныхъ обѣдовъ богадельни эти часто каменные, двухъ-этажныя; а богадельенки все-таки представляютъ оборванную, босую, покрытую рубищемъ, жалкую толпу, умоляющую о пода́ніи.... Отчего это? Неужели этого никто не видитъ? Неужели и въ этомъ находять что либо благочестивое? Неужели нѣть ни одного истинно благочестиваго человѣка, который бы вникъ въ дѣло, и дальѣ бы этимъ богадельнямъ порядочное устройство? А устроить ихъ можно было бы отлично, потому что доходы кладбищенскіе громадны: сюда идетъ и высокая плата за могилы, за каждую отъ сотни рублей и до 1 р. 30 к. сер.; сюда идутъ деньги за право поставить камень, за право поставить решетку, за камни, за панихиды, поминки, упокойныя обѣды, за отдачу влагаемъ для похоронныхъ обѣдовъ богадельенныхъ заль, за склоненіе отличной травы по могиламъ, и на кладбищенскихъ земляхъ, за встрѣчу същенниками богатыхъ покойниковъ,—въ богатыхъ

же вкладахъ на поминовеніе и т. под. — мы умалчиваемъ.... Кому же все это идетъ, — не извѣстно!

Но слава Богу, если удастся кому либо попасть и въ кладбищенскую богадѣльню, — многіе лишены и этого счастія. Вообще въ богадѣльни попадаютъ только тѣ, за которыхъ просятъ богатые барыни, у кого родственница какая нибудь живеть у богатой купчихи въ нянькахъ, за кого попросить батюшку какой нибудь прихожанинъ. Больше же всего орудуютъ здѣсь барыни, извѣстныя своей неспособностью къ чему либо дѣйствительно полезному. Вотъ потому-то истинные нищіе и блуждаютъ по улицамъ, а дармоѣды, способные работать, живуть въ богадѣльняхъ. Такъ не очень давно въ одной изъ московскихъ богадѣлень былъ случай, что приэрѣваемая вышла замужъ за сторожа той богадѣльни, гдѣ ее приэрѣвали, и на свадьбѣ у нихъ пили и плясали всю ночь пятьдесятъ человѣкъ.

И блуждаютъ по городу толпы истинно немущихъ, неспособныхъ и неприэрѣвныхъ, — цѣлая армія самыхъ разнообразныхъ бѣдняковъ,

и тут же съ ними подъ однимъ знаменемъ идутъ безконечныя толпы промышленниковъ. Тутъ идутъ бабы съ грудными дѣтьми и съ полѣнами вмѣсто дѣтей, идутъ погорѣлые, идутъ собирающіе на некрута, идутъ вытиасавшіеся изъ больницъ, но наглѣе и нахальнѣе всѣхъ идутъ отставные чиновники и военные, красные отъ пьянства, въ рубашкѣ; но часто съ орденомъ въ шетличкѣ, или съ пряжкой.... Идутъ старухи, однѣ съ гробами, другія съ гробовыми крышками: они собираются *на похороны* (?), а за ними новыя старухи собираются на приданое невѣстамъ. Тутъ идутъ мужики, просящіе на угнанную лошадь, идутъ солдаты, собирающіе на разбитое стекло въ фонарѣ. Тутъ, растягиваясь въ безконечную черную вереницу, идутъ монахи и монахини, собирающіе на построеніе обителей, мужики, бабы на построеніе церквей,—и всѣ они съ кружками, съ тарелками, съ книгами, завернутыми въ пелены и т. п. Тутъ же идутъ странники и странницы, собирающіе на дорогу ко Гробу Господню, къ Соловецкимъ, къ Тихону Преподобному, и пр. и пр. Но вотъ, держась другъ за друга, бѣ-

гутъ мальчики и дѣвочки, бездомныя сироты, выросшія на чердакахъ, на улицахъ, въ подвалахъ, идуть мальчики и дѣвочки отъ 5 и 6 лѣтъ и часто до 15 и 16. Вотъ этимъ-то, въ особенности, вы подайте по конѣчкѣ,—это, вѣдь, молодое поколѣніе, иссяющее въ себѣ сѣмена будущаго нищенства, подайте-же имъ по конѣчкѣ и поклонитесь, по обычаю благочестивыхъ людей: они послужатъ спасеніемъ вашимъ дѣтямъ, которые въ свою очередь ихъ дѣтямъ подадутъ по конѣчкѣ.... Въ этой мас-сѣ нищихъ отстаивается вся наша грязь, не-видная на поверхности жизни; здѣсь всѣ алыс-соки, таящіеся въ обществѣ, являются уже организующими элементами; здѣсь поэтому вы-рабатываются самыя представительныя лично-сти, и сюда, наконецъ, собирается все, чему въ своекорыстномъ, тупенькомъ обществѣ не удалось найти ни цѣли, ни пути. Но незави-симо отъ общаго уровня жизни, Городскіе ряды представляютъ еще особый міръ, съ особенностями людьми, съ особенностями поняті-ями, и даже съ особенностями нищими. Для города главное дѣло, главная забота — это

нищіе, въ нихъ все—и спасеніе и кара Божія, и безъ нихъ ничего. По этому изъ массы городскихъ нищихъ должны были выдвинуться впередъ такія личности, которыхъ были бы представителями нравственныхъ понятій города, которые раскрыли бы предъ нами задушевный міръ, словомъ, должны были возникнуть нищіе, писатели и художники, какъ выраженіе городского духа, и они возникли. И въ толпѣ нищихъ мы видимъ, впервыхъ, Θ. . . . Н. . . . Н. . . . московскаго мѣщанина, изобрѣтателя вѣчнаго движенія,—химика, производящаго изъ капустныхъ кочерыжекъ шампанское и сочинителя книжки изъ трехъ страницъ, съ своеобразнымъ заглавіемъ: «Издание Θ. Н. Н. . . . Изобрѣтателя разныхъ машинъ. М. 1861. Въ Тип. Сѣрикова», Что это за человѣкъ, что за исторія его паденія,—мы не знаемъ, да и страшно иногда бываетъ заглянуть въ такія исторіи. А, можетъ быть, эта исторія очень проста: сковырнулся немногого человѣкъ, и не жди, чтобы поддерживала тебя жизнь, чтобъ ты нашелъ въ ней какую-либо опору, —а иди прямо въ нищіе. Зна-

емъ про Ф. . . . Н. . . . одно, что, блуждая по рядамъ, онъ доставляетъ собою великое развлечеиe нашему именитому купечеству. Купцы потѣшаются имъ, и за это кормятъ его, подавая ему копѣчку, или двѣ. Мальчикъ, сегодня поступившій въ лавку, завтра ужъ знаетъ Ф. . . . Н. . . . нѣть никого въ городѣ, кто бы его не зналъ, кто-бѣ не дразнилъ его какою-нибудь кличкою: бродяга, безпашпортный, проѣхавшій верхомъ на кобылѣ, и т. под. А одинъ изъ такихъ шутниковъ даже помѣстилъ объявление въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, что Ф. . . . Н. . . . отѣзжая за границу, просить у фабрикантовъ поручений. . . За Ф. . . . Н. . . . тащится поэтъ — крестьянинъ С. . . . вѣчно пьяный и угощающій всѣхъ своими сочиненіями. За нимъ идетъ лицо, называемое *Разсказъ Петровичъ*; онъ собираетъ Христа ради и разказываетъ при этомъ различные притчи, поддѣльваясь, безъ сомнѣнія, подъ гостинодворскій духъ. Любимымъ изреченіемъ его: «жизнь человѣческая — сказка, гробъ — коляска,ѣхать въ ней не тряsko». Заnimъ плется старикъ, называемый *Тор-*

човѣмъ. Забава надъ этимъ старикомъ состоить въ слѣдующемъ: онъ носить подъ мышкой палку, и эту палку у него постоянно отнимаютъ, а онъ ругается, повторяя одно слово до десяти разъ, и собравшаяся около него толпа довольна и смѣется. Далѣе *А.... И.... II.....* Онъ прежде былъ прикащикомъ въ одномъ изъ московскихъ рядовъ, потомъ, волею Бахуса, поступилъ въ хористы театра; спускаясь все ниже и ниже, онъ перешель въ пѣвческіе хоры, но и это оказалось ему неудобнымъ, и онъ сдѣлался утѣхой и забавой городскихъ рядовъ, гдѣ онъ за три копѣйки читаетъ изъ аскольдовой могилы, и т. п. Разъ онъ вздумалъ принять на себя образъ странника, думая, что моль будетъ повыгоднѣе, но скоро оставилъ это, и теперь по прежнему служить рядскимъ трубадуромъ. Онъ лѣтъ сорока, здоровый мужчина огромнаго роста, — его бы въ лейбъ-гвардию! Остатокъ матушки древней Руси, и потомъ стариннаго барства — держать у себя для потѣхи юродивыхъ и шутовъ, — сохранился между прочимъ въ городскихъ рядахъ, гдѣ каждый рядъ имѣеть своего собственнаго шу-

та. Такъ Θ. . . . Н. . . . принадлежитъ Ножевой линіи; въ нижнемъ игольномъ ряду есть иѣкій И. . . . С. . . . въ серебряномъ же — И. . . . К. . . . Къ нимъ должно отнести и здороваго мужика, пребывающаго въ гостинномъ дворѣ, тдѣ онъ за двѣ копѣйки лаетъ собакою, кричитъ пѣтухомъ, блеетъ, мычить и пр. И есть такие аматеры собачьяго лая, которые приглашаютъ этого мужика къ себѣ на домъ; для услажденія супружницъ и домочадцевъ. Есть тутъ еще *слѣпой прикащикъ*, который, ходя по городу, кричитъ ему разными птичими голосами. А то ходитъ тутъ еще какой-то идіотъ, кричащий павлиномъ. Изъ этого простаго перечисленія разныхъ лицъ вы уже можете замѣтить, что страсть купцовъ къ звѣринымъ голосамъ доходитъ до неистовства. Идетъ этотъ идіотъ, и кричатъ со всѣхъ сторонъ: «прокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ!» Онъ кричитъ, и всѣ выходятъ изъ-за прилавковъ, и смѣются, и смѣются всѣ проходящіе. Получивъ нещастное подаяніе, идіотъ идетъ дальше. Вотъ остановился онъ и проситъ милостиныи, а купецъ, подавая ко-

пѣйку, говорить ему на ухо: «прими Христа ради, да поди прокричи вонъ энтому надъ ухомъ павлинчикомъ». И тотъ, кому прокричали надъ ухомъ,—если случилось это подъ веселую руку, то также даетъ копѣечку, иначе же выругаетъ того, кто кричалъ, и того, кто научилъ. Но въ итогѣ всѣ довольны;

Но если одни ипціе способны возбудить только веселіе, то при приближеніи другихъ веселье замѣняется страхомъ. Изъ множества такихъ субъектовъ, возбуждающихъ страхъ и ужасъ, известнѣе всѣхъ мѣщанинъ С. . . . Это дѣтина лѣтъ тридцати пяти, въ байковомъ зеленомъ халатѣ и въ студентской фуражкѣ, видомъ геркулесъ, и для его, суточной выпивки—онъ пьетъ день и ночь—нужно никакъ не менѣе штофа. Упившись, онъ идетъ на Ильинку, становится среди улицы нарочно въ виду блюстителя благочинія, поднимаетъ кверху кулаки и начинаетъ пѣть: «яко благъ, яко нагъ, яко нѣть ничего», и сей-часъ же переходитъ въ веселую: «я цыганъ удалецъ». Или разсказывается разныя притчи, приличныя городу, напр. «вотъ такъ были чудеса, сотво-

рены небеса, семь тысяч лѣтъ стоять, а ни-
чего не говорять». Приближается вечеръ, и
С. . . . отправляется въ одинъ изъ город-
скихъ переулковъ, который глупше другихъ, ка-
раулить свои жертвы, и горе тому, который
ему здѣсь попадется. Надъ неосторожной жер-
твой поднимается мощный кулакъ, и тутъ ско-
рѣй уже давай и часы, и серебро, а мѣдными
деньгами не отдѣлаешься: это пе днемъ-ста!
говорить С. . . . Но вотъ напираютъ новыя
ряды нищихъ и каждый рядъ съ своимъ осо-
беннымъ представителемъ. Вотъ *странникъ* ро-
стомъ въ косую сажень въ скуфейкѣ и съ пал-
кой, окованной на концѣ желѣзомъ. Онъ съ
давнихъ поръ ежедневно обходитъ всѣ ряды
и всѣ городскія кабаки,—такъ въ известное
время всѣ его и ждутъ. Вотъ прогнанный съ
желѣзной дороги кондукторъ, въ картузѣ съ
краснымъ околышкомъ,—онъ выдастъ себя за
капитана въ отставкѣ, и просить по этому слѣ-
дующимъ образомъ: «капитану, отечества за-
щитнику, на семи сраженіяхъ бывшему, побѣ-
доноснымъ россійскимъ воинствомъ управляв-

шему, пожалуйте на штофъ постриженія, на косушку сооруженія».

Здѣсь идутъ рядами подъячіе, военные, блуждающіе по миру. Зараза эта, должно полагать, началась съ XVIII вѣка, и вотъ что говорилъ о нихъ неизвѣстный писатель въ началѣ нынѣшняго столѣтія: «еще классъ людей, требующій также вниманія, есть штабъ и оберъ-офицеры, исключенные изъ службы за дурное поведеніе, коихъ число также чрезвычайно умножается въ Москвѣ; ибо со всѣхъ сторонъ они стекаются въ оную. Хотя таковыми комитетъ (разумѣется благотворительныи), по дурному ихъ поведенію и по молодости лѣтъ, не даетъ никакой помощи, но участъ ихъ также требуетъ вниманія, ибо таковыхъ ни въ казеннную, ни въ партикулярную службу не принимаютъ; то они, будучи безъ всякаго состоянія и со всѣми пороками, должны спискивать себѣ пропитаніе ничѣмъ другимъ, какъ воровствомъ и грабительствомъ, въ чемъ они уже довольно искусны. Но когда общество ихъ умножится, то должно будетъ ожидать гораздо худшихъ послѣдствій: развращеніе свое они при-

мѣтнымъ образомъ поселяютъ въ вступающихъ службу молодыхъ людяхъ, въ молодыхъ купеческихъ дѣтяхъ и господскихъ людяхъ (Чт. О. И и Др. 1861. II. V. 176). Не станемъ говорить здѣсь, насколько сбылись всѣ эти сбывающіяся ожиданія, и обратимся къ самой дѣйствительности. Вотъ ходитъ поручикъ въ форменной фуражкѣ, въ сѣромъ пальто, съ лентой въ петлицѣ, рожа красная. Небрежно подходитъ онъ и говоритъ: дане мua маршандъ двѣ копѣйки серебромъ. И скорѣй ему даются, чтобъ только Богъ его пронесъ. За нимъ идетъ известный Н. . . . П. . . . котораго почему-то называютъ Н. . . . Н. . . . Онъ гдѣ-то служилъ, но морозомъ хватило, и онъ быль удаленъ за какіе-то неблаговидные поступки, и началъ стоять у Воскресенскихъ воротъ, въ этомъ старинномъ пріюте и разсаднике крапивнаго и всякаго другаго мерзкаго зелія. До конца XVIII в. между Воскресенскими воротами и нынѣшними желѣзными рядами текла грязная и вонючая рѣчка Неглинная, черезъ нея быль устроенъ длинный деревянный мостъ. На этомъ мосту были подѣланы

лавочки и печуры, гдѣ торговали разнымъ тваромъ, и тутъ-же собирались разные ниши, о которыхъ мы выше говорили. Здѣсь пѣвцы пѣли Лазаря, сюда божедомы вывозили съ убогихъ домовъ гнющія мертвыя тѣла для сбора на ихъ погребеніе и для отысканія родныхъ и знакомыхъ, и здѣсь же, вѣроятно, старинные подьячіе собирали милостыню. Многіе помнятъ еще, какъ гораздо позднѣе, у Воскресенскихъ воротъ, въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ свѣчныя лавки, былъ винный погребъ въ мрачномъ и длинномъ подвалѣ, гдѣ рѣшались всевозможныя дѣла, платились деньги, писались просьбы и т. под. Въ погребѣ и около дверей его цѣлый день толпились подьячіе. По уничтоженіи погреба, подьячіе размѣстились отъ Воскресенскихъ воротъ до Казанской, отчего и получили, оставшееся до сихъ поръ за ними, название *отъ казанской*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ и отсюда прогнали, ихъ мѣсто заняли торговцы, а они перешли къ трактирщикамъ, что противъ присутственныхъ мѣстъ, къ *маленькому Московскому и Егорову*. Здѣсь ежедневно въ десять часовъ утра соби-

раются они, выстраиваются въ рядъ по тротуару, совершаютъ разныя дѣла на улицѣ, въ трактирахъ и въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потомъ расходятся, кто на собирание милостыни, кто куда. — Но возвратимся къ Н. . . . И. . . . Онъ не причисляетъ себя къ нищимъ и не просить, а подойдя, говорить: «милка, душка, не откажите *благородному человѣку.*»

Всѣ эти существа проходили предъ нами по одиночкѣ, по одному за разъ, и это еще было сносно и купцамъ, платившимъ каждому по одной копѣйкѣ, и проходящимъ, которыхъ кое-какъ еще могли пролѣтѣть. Но вотъ несется цѣлая тройка: майоръ, капитанъ и корнетъ. Съ утра они обходятъ всѣ трактиры, потомъ берутъ другъ друга подъ ручку и пускаются по городскимъ рядамъ, зная, что имъ троимъ отказу не будетъ. Но если и нашелся бы такой, который бы имъ отказалъ, то впервыхъ они хоромъ пропоютъ ему *вѣчную память*, а потомъ осрамятъ такъ, что онъ хоть въ лавку не ходи. На святкахъ они ходили съ ёлкой, убранной цвѣтной бумагой, и самый рослый

изъ нихъ пѣль басомъ: я маленький хлопчикъ и пр. Надѣлавъ всевозможныхъ безчинствъ, они набираютъ кучу денегъ и расходятся по домамъ, чтобы остатное время дня и ночи провести истинно побарски, и на утро повторяется старая история.

За ними съ привычной важностью выступаетъ отставной блеститель порядка, въ огромной папахѣ, выдающій себя за кавказскаго полковника и не принимающій иначе, какъ серебромъ. Дальше—офицеръ съ ленточкой въ петлицѣ и кулакомъ на отвѣсѣ, имѣюющій, какъ онъ говоритъ, шестнадцать ранъ и вѣчно подбитые глаза.

За этими людьми плоти идутъ люди духа. Впереди всѣхъ идетъ разстриженный дьяконъ, съ отекшимъ лицомъ, и проситъ онъ басомъ: «бывшему московскому дьякону для обогрѣнія плоти и подкрѣпленія духа». — А за чтоуволили тебя? спрашиваются. «За чрезмѣрное осуженіе стеклянной посуды». — За нимъ служка, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь. Онъ четыре года ужъ все собирается, чтобы идти на Аeonъ.

Перемѣнилось дѣйствіе, и являются женщи-

ны всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ. Идутъ безобразнѣйшія старухи, собирающіе на приданое невѣстамъ, а за ними идутъ самыя невѣсты, мѣняющіяся каждую недѣлю, а то на недѣлѣ два раза. Здѣсь хуже всего то, что кромѣ взрослыхъ дѣвушекъ, старухи водятъ съ собою дѣвочекъ, которыя скоро дѣлаются жертвами разврата. Такъ напримѣръ, несолько лѣтъ тому назадъ, ходила хорошенъкая нищенка Фенклаша, которая съ помощью старухъ скоро сдалась извѣстной городской камеліей. Недавно ходила по рядамъ хорошенъкая дѣвочка Катя, продававшая на лоточкѣ пряники и бывшая вѣчной мишенью плоскихъ и грубыхъ шутокъ рядской молодежи, но потомъ вдругъ она куда-то пропала. А то два года назадъ тамъ ходила сирота дѣвочка, продававшая дешевый хрусталь, но потомъ она очутилась въ одномъ изъ общественныхъ домовъ.

Но вотъ валить кучами отъ двухъ до пяти человѣкъ и болѣе, держась другъ за друга, бранясь между собою или тыкая другъ друга въ бока, мальчики и молоденція дѣвочки, просящіе Христа ради со всевозможными причитані-

ями.... Мы ни слова не скажемъ о нихъ, чтобы не вызвать по поводу нихъ какого-нибудь просвѣщенія мнѣнія, какой-нибудь благодѣтельной мѣры, которыя нанесли бы новое оскорблѣніе этому несчастному племени,—пусть, прося именемъ Христа, выростаютъ они на бѣду просвѣщенному и благочестивому обществу!...

Идутъ барыни. Въ древней Руси ходили по улицамъ боярскіе дѣти и просили у прохожихъ на вышивку, но барыни и чиновницы—нищія, кажется, явились только съ половины прошлаго вѣка. Одною изъ главныхъ причинъ этому было уничтоженіе права кормиться, какъ хочешь, которое предоставлялось стариннымъ чиновникамъ. Кормленіе было уничтожено и чиновникъ долженъ былъ получать плату за работу, и вотъ на бумагѣ онъ сталъ получать плату, пр. по 50 к. сер., въ мѣсяцъ, какъ получаютъ до этой минуты многіе чиновники 2-й Моск. Гражданской Палаты, а въ сущности остался кормленщикомъ, за что его выгоняли изъ службы, и чиновницы стали ходить по миру. Вотъ что говорили о нихъ въ прошломъ вѣкѣ: «теперь многія офицерскія жены

съ 12-ти и 14-лѣт. дочерьми своими, которыхъ не соглашаются (?) отдать ни въ какое ученіе, присоединяются къ нищимъ» (Чт. О. И. и Др. 1861. 11. 177). Проходитъ почти сто лѣтъ, и другое лицо въ 1849 доносить правительству слѣдующее: «масса, отъ титулярныхъ совѣтницъ до губернскихъ секретаршъ, нисколько не отличается отъ солдатокъ и мѣщанокъ, тѣмъ болѣе, что мужья были на службѣ, и жены, можетъ быть, и до замужества жили въ коморкахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя теперь служать имъ печальными пріютами на старости. Онѣ только возвратились въ первобытное состояніе, большую частію вовсе не знаютъ грамоты. При этомъ полномъ недостаткѣ всякаго нравственнаго образованія (?), къ коему еще присоединяется и свычка съ группою нищетою (иная уже 30 лѣтъ, какъ титулярная совѣтница по одному лишь имени), онѣ, повторяю, нисколько не отличаются ни по потребностямъ своимъ, ни по своему званію, ни по занятіямъ отъ прочихъ.... нищихъ» (Чт. О. И. и Др. 1861. 1. V. 225). И вотъ ходить по городу титулярная совѣтница соби-

рающая на бѣдность, а за ней ходить барыня, которую дразнятъ, что она курицу украла, по-тому—дама, лѣтъ пять собирающая на выѣздъ съ больнымъ мужемъ въ Пензенскую губернію, и еще дама, лѣтъ 25-ти. Эта собираетъ для прокормленія своихъ сиротъ, которыми она единственная опора, или, одѣвшись въ черное, она просить на похороны своей *ламаши*; а то она разъ явилась вся въ лохмотьяхъ и рассказывала, что ее обокрали, и что у неї ничего краше нѣтъ, какъ только то, что на ней.

За барынями бѣгутъ просто бабы. Тутъ ежедневно увидите пьяную бабу, которую и въ часть уже не берутъ, и еще бабенку лѣтъ 30, собирающую *по болѣзни*, и очень пріятную рядскимъ ребятамъ, которые съ ней заигрываютъ. Разъ эту больную хотѣли взять въ Юсуповъ домъ, но два будочника и кавалеръ, какъ ни бились, никакъ не могли сладить съ ней, такъ и отступились.

Появляется фаланга нищихъ торговцевъ всѣхъ націй, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ званій. Несноснѣе же всего, безобразнѣе, тупѣе,—это порожденіе Риги и Ревеля и т. п. приморскихъ

городовъ, толпы нѣмецкихъ нищихъ, приманенныхъ въ Москву русской щедрой милостыней. Вы увидите тутъ и съ корзиночками, и съ метелочками, и со стеклянными фігурками, и съ статуетками, и душатъ они васъ своими нѣмецкими прічитаніями. Нѣмцы и тутъ впереди, а глупые русскіе торговцы оттиснуты уже на задній планъ. Изъ этихъ видище всѣхъ бабы, кричащіе пронзительнымъ голосомъ: ниточки! ниточки! при чемъ съ визгомъ ударяется на букву *и*. Далѣе кричатъ: шнурочки! чулочки! а между тѣмъ каждая изъ этихъ торговокъ только и глядитъ, гдѣ бы ей что стащить, или у кого что нибудь вытащить. Замѣтимъ изъ нихъ одного 70-лѣтняго криваго старика. Онъ въ одно и тоже время промышляетъ нѣсколькими способами: продаетъ свѣтильни съ лампадками, собираетъ мылостыню и потомъ для ради удовольствія разсказываетъ сказки, пляшетъ и поетъ. Къ числу этихъ нищихъ - промышленниковъ едва ли не слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ собирающихъ на построеніе церквей. Ихъ вы встрѣтите везде, и въ городѣ, и на рынкахъ, на базарахъ, въ

вагонахъ желѣзной дороги, у церкви, у соборовъ, и особенно у Иверской. Не желая беспокоить читателя собственными наблюденіями надъ этими людьми, мы укажемъ на свидѣтельство о нихъ одного лица, писавшаго въ 1829 году, по порученію г. министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдующее: одинъ изъ источниковъ происхожденія нищихъ—мѣрскихъ подаяній, на бѣдныхъ ли, на сооруженіе ли храмовъ, по подпискамъ, или по книгамъ, выдаваемымъ отъ духовнаго начальства. Переходъ съ таковыми книгами изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе монаховъ, монахинь, церковно-служителей и крестьянъ не уменьшаетъ, но увеличиваетъ сословіе нищихъ и праздношатающихся; при томъ, едва ли изъ собранныхъ такимъ образомъ денегъ половина достигаетъ своего назначенія (Чт. О. И. др. 1860, III. V. 205). Таковы-то городскіе нищіе, но здѣсь далеко не всѣ еще московскіе нищіе. Городскихъ нищихъ, по приблизительному разсчету, должно положить до 10,000 человѣкъ. Кроме ихъ есть множество нищихъ, разсыпанныхъ по всѣмъ частямъ города, стоящихъ у трактировъ, у по-

гребовъ, у бани, на площадяхъ, на кладбищахъ, и особенно по церквамъ. Во всѣхъ многочисленныхъ московскихъ церквахъ каждый разъ къ концу обѣдни нищіе начинаютъ выстраиваться у дверей въ два ряда. Ряды начинаются въ самой церкви, идутъ черезъ паперть, а въ богатыхъ церквахъ, напримѣръ въ Рогожской, ряды выходятъ даже на улицу. Православные христіане проходятъ, подаютъ по копѣечкѣ и крестятся. Такихъ разсѣянныхъ по разнымъ частямъ нищихъ наберется до 30,000 человѣкъ, всего слѣдовательно можно положить до 40,000 челов. *). Полагая за тѣмъ, что каждый нищій круглымъ числомъ набираетъ ежедневно по крайней мѣрѣ 25 к. сер., слѣдовательно все они въ день собираютъ 10,000 руб., въ мѣсяцъ 300,000 р. въ годъ 3,600,000 р. Такая сумма собирается въ одной Москвѣ!

Три части этой суммы идутъ въ вѣдомство московского откупа, отчего такъ и богаты московскіе откупщики, а четвертая часть употребляется на квартиру и пищу. Такимъ обра-

---

*) Въ Полиціи когда-то считалось ихъ до 34000 челов. См. Чт. О. И. и др. 1861, 11. V. 189.

зомъ миллионы, раздаваемыя на милостыню, только и дѣлаютъ, что плодятъ нищихъ. За тѣмъ нищихъ плодятъ всеобщая дороживизна и отсутствіе въ жизни всякихъ соціальныхъ отношеній, какъ артели, общины и т. п. Плодитъ нищихъ крайняя безнравственность городовъ, гдѣ для бѣднаго народа нѣтъ всего того, что способно двигать человѣка впередъ, ни воспитательныхъ заведеній для бѣдности, ходящей по улицамъ, ни мастерскихъ для обученія мастерствамъ, ни всего того, наконецъ, что могло бы дать человѣку нравственную силу для борьбы съ нуждою. Вместо всего этого развратъ, съ каждымъ днемъ принимающій большія размѣры. Не мѣсто здѣсь указывать на подробности, да и не за чѣмъ: глухому, что ни говори, онъ ничего не услышитъ, потому что глухъ. Довольно того, что нищета приводить къ разврату; развратъ долженъ привести къ нищетѣ простой классъ (Чт. О. И. и др. 1861. 1. V. 228). Важно то, что нищихъ съ каждымъ днемъ дѣлается все больше и больше, а на нихъ, несмотря ни на какие законы и предписанія, никто не обращаетъ

вниманія. Вотъ, напримѣръ, каждый день выходитъ откуда-то и садится возлѣ университета, подъ часами, убогая дѣвушка, и сидить на льду и на грязи, и раскачиваясь просить милостыни. Неужели для нея нѣть другаго мѣста? Вотъ лѣтомъ по всѣмъ рѣшительно бульварамъ сидятъ, качаясь туловищемъ впередъ и назадъ, безногіе, безрукіе, нѣмые, показывающіе на ногахъ раны. Ко всѣмъ этимъ существамъ присоединяются нѣмецкіе шарманщики, нѣмки пѣсенницы, и пр. и пр. И нищимъ нѣть конца!

Если мы оставимъ печальную дѣйствительность и заглянемъ въ будущее, то и тамъ, всматриваясь, мало найдемъ утѣшительного, такъ лучше опустимъ же завѣсу.... и пойдемъ далѣ.

Говоря о нищихъ, мы имѣли въ виду преимущественно Москву. Тоже самое встрѣчается и въ другихъ городахъ, особенно большихъ, или обильныхъ святынею, какъ Кіевъ и Воронежъ, Петербургъ и Нижній-Новгородъ, и т. под. Отъ городовъ не отстаютъ и деревни. Каждый благочестивый Москвичъ, отслушавъ вечерню въ Хатьковѣ, и, отправляясь въ Троицкую Лавру, навѣрно встрѣчалъ по до-

рогъ между этими двумя богатыми монастырями, цѣлые нищенствующія деревни и толпы ребятишекъ, бѣгущихъ за экипажемъ версту или двѣ, и благочестивая рука богомольца наѣрно высовывалась изъ кареты и бросала копѣйку, или двѣ. Положеніе сельскихъ нищихъ извѣстно. Это дѣйствительно самые бѣдные люди, преимущественно матери съ сиротами дѣтьми; сельскій *миръ* можетъ имъ дать только кусокъ хлѣба, мы же, общество, не можетъ подать имъ даже и куска хлѣба. Но такова ли должна быть деревня, особенно Русская, съ ея общиннымъ бытомъ, съ честнымъ и добрымъ характеромъ Русского мужика? Нѣкоторые, можетъ быть, подумають, что всякая деревня есть ничто иное, какъ собраніе всего деревенского, т. е. всего, что грубо и жалко, бѣдно и нищо, то укажемъ по этому на деревню въ просвещенномъ государствѣ, напримѣръ въ Германіи, и вообще на тамошнее *нищенство*. «Проехая по Даніи, говорить одинъ путешественникъ, замѣчаете везде довольство, благоустроенное хозяйство, чистые, порядочные дома во всѣхъ деревняхъ, хорошо

воздѣланныю землю, народъ здоровый и веселый, хотя не рослый и не красивый. Своимъ благосостояніемъ Данія обязана не столько плодородію почвы и климату, сколько преобразованіямъ правительства....»

«Нечего также удивляться, прибавляетъ другой, «что мы по этому не встрѣтимъ въ Датской литературѣ того мрачнаго, полнаго злобы ропота нищеты, который составляетъ содержаніе многихъ литературныхъ произведеній другихъ странъ. *Нищенство въ Даніи запрещено*....»

«Страннымъ можетъ показаться это выраженіе, которое напоминаетъ действительно, что и у насъ въ некоторыхъ городахъ запрещаютъ нищенство.... Но въ Даніи это не начальственное распоряженіе. Тамъ принимаетъ въ этомъ живѣйшее участіе само общество. Почти три процента народонаселенія получаютъ пособіе отъ частной благотворительности. На приходскія общины возлагается обязанность помогать нуждающимся, доставлять работу способнымъ къ работамъ, и проч. Въ городахъ есть прюты и богадѣльни. Есть прютъ

на день, куда можно приходить съ ручной работой на цѣлый день. Города и деревни проценты съ своихъ капиталовъ всегда употребляютъ на бѣдныхъ. Взносы на бѣдныхъ весьма разнообразенъ, потому что въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, количества его опредѣляетъ само общество.... *) Но все это заморскіе новости, намъ ненужныя,— мы проживемъ и съ копѣчной милостыней!

Копѣчная милостыня гибельна, какъ для пищихъ, такъ и для тѣхъ, кто ее подаетъ. Рѣдко человѣческое достоинство уничтожается до такой степени, чтобы хладнокровно протягивалась рука за милостынею, чтобы выпрашивая подаяніе, человѣкъ не чувствовалъ мучительной боли униженія. Но какова же эта боль, когда нищий видитъ, что богачъ вмѣсто оказанія помощи подаетъ копѣчку. Но мало помаду вѣчное моленіе, вѣчное выпрашиваніе, вѣчное поклоненіе обращаются въ привычку, и на-

*) Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Москва. 1862. Вып. 2, стр. 159. Рекомендуемъ эту книгу всѣмъ, любящимъ хорошее чтеніе, въ особенности юному поколѣнію обоего пола.

конецъ человѣкъ падаетъ окончательно. Въ тоже самое время, милостыня не меньше унижаетъ и самого подающаго ее,—она, какъ крѣпостное право, есть мечъ обоюду острый. А потому, если человѣкъ легко можетъ оподѣтъ въ нищенствѣ, то еще легче подѣютъ люди среди ежедневной милостыни. Таковъ законъ природы, что всякое насилие надъ человѣкомъ отпачивается на виновникахъ сторицей. Мы имѣемъ въ Москвѣ несолько такихъ милостынепрѣдавателей, въ которыхъ древне-руssкія понятія о милостынѣ и милосердіи истребили всякое человѣческое достоинство.

Вотъ одинъ извѣстный купецъ ежедневно собираетъ около своего аибара толпы нищихъ и дѣлить имъ милостыню слѣдующимъ образомъ: купецъ этотъ очень боится смерти, и вотъ когда онъ здоровъ, онъ одѣляетъ нищихъ по копѣчкѣ на двоихъ, а чуть лишь почувствовалъ себя нездоровыемъ, или увидалъ какое-нибудь предвѣщаніе, напр. ночью собака выла, тогда нищіе получаютъ усиленную подачу, по двѣ копѣйки на двоихъ. Всѣ это знаютъ, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, нищіе

молять Бога, чтобы этот купецъ почаше слышать собачий вой, видѣлъ страшные сны и т. п. Есть богачъ-старовѣръ, тоже милостыни раздававтель. Этотъ подаетъ однимъ женщинамъ, а мужчинамъ только тѣмъ, у кого небритая борода. Подходитъ къ нему больной солдатъ и просить милостыни, а этотъ отвѣчаетъ ему: поди прежде бороду отрости, а потомъ приходи. А когда случится ему подать солдату съ отрощеною бородой, то онъ непремѣнно прибавитъ: *воинъ, приими Христа ради!* Отъ остальныхъ же нищихъ требуетъ, чтобы они, прося у него, говорили: *подайте, батюшка, Христа ради*, онъ ямъ подастъ и прибавитъ: *приими Христа ради.* И этотъ-то несчастный убѣжденъ, что онъ исполняетъ слово Христово во всей чистотѣ! Есть еще въ Москве купецъ, вѣчно окруженній нищими, ханжами и юродивыми. У него страсть уговаривать людей идти въ монастырь; или жениться. Спилос у него прикащикъ, и онъ начинаетъ его уговаривать, чтобы онъ женился, отыскиваетъ ему дѣвушку сиротку, женить, и такихъ дѣвушекъ, — жертвъ дикой филантропіи, выданныхъ замужъ,

а потомъ пропитыхъ, замученныхъ и прежде временно сведенныхъ въ могилу, считаются сотнями. Ни одна ханжа, ни одинъ странный не минуетъ этого купца. Вотъ собираетъ онъ ихъ, насажаетъ къ себѣ въ экипажъ и разъезжаетъ съ ними по своимъ знакомымъ для сбора имъ подаяний.

Вотъ княгиня. Она когда-то принадлежала къ знаменитѣйшимъ въ Россіи фамилямъ, блистала богатствомъ и связями, а теперь доживаетъ свойъ вѣкъ въ связяхъ съ ханжами, среди которыхъ выростаютъ такъ называемыя воспитанницы княгини. Тутъ вы встрѣтите приживалку, полуидота, полуиниціата господина, на столько же однако умнаго, что онъ разъукрали у вора краденую борзую собаку. Сестра этого господина, также идотка. Тутъ вы встрѣтите попову дочь, и барскую барыню, и чиновницу, и дворянку, тутъ жиль, напримѣръ, долгое время попъ растрига съ цѣлымъ семействомъ. И домъ княгини, гдѣ до сорока комнатъ, гдѣ живутъ, по видимому, только две старухи, княгиня да княжна, — этотъ домъ, отъ массы приживалокъ, оказывается тѣснымъ для житья.

Каждое воскресенье, — такъ ужъ заведено, — у крыльца княгини раздаются нишнимъ, по копѣйкѣ, три рубля серебромъ, и ко времени этой раздачи собираются изъ всей окрестности, изъ всѣхъ закоулковъ толпы нищихъ; въ ожиданіи раздачи, они дерутся и ругаются и, получивъ каждый по копѣйкѣ, расходятся по сосѣднимъ домамъ воровать. Такъ ато ужъ знаютъ всѣ обыватели, и, лѣтомъ особенно, стараются къ этому времени закрывать окна и припирать двери. Въ домѣ княгини своя церковь, и если княгиня переѣзжаетъ на другую квартиру, то за ней перевозятъ и церковь. Каждую недѣлю у ней бываетъ три обѣдни, и говѣеть она каждый постъ два раза. Разныя барскія барыни, жирныя и здоровенныя, получають отъ княгини ежемѣсячное вспоможеніе отъ рубля до пяти. Вотъ въ день именинъ княгини и княжны толпы этихъ барынь и ханжей начали собираться съ ранняго утра. Каждая такая барыня приходитъ поздравить непремѣнно съ просвиркой въ рукѣ, и въ это утро темно еще было на дворѣ, не было еще и пяти часовъ, а у просвирни ужъ стучались за просвир-

рами для княгини. Сколько нынѣшній гдѣ написано было княгинѣ просвиръ, неизвѣстно еще, а въ прошломъ году лакеи считали, было до четырехъ сотъ пятнадесяти просвиръ.... У княгини было огромное состояніе, а теперь почти ничего не остается; все пошло на ханжей, да на такъ называемыя дѣла благочестія. На ханжество потреблялось все, что ни привозилось изъ княжескихъ вотчинъ имѣющими мужиками, заложенными и перезаложенными.

Не будемъ здѣсь говорить и о тѣхъ наруженno-благочестивыхъ людяхъ, которые тратятъ по сотнямъ тысячъ на построеніе монастырей и т. под. Такъ одинъ богатый торговыи домъ истратилъ на построеніе монастыря до 500,000 р. сер., а, за тѣмъ обанкротившись, тысячи бѣдныхъ людей пустить по миру. Въ эту минуту въ Москвѣ двѣ купчихи строятъ два монастыря, одинъ вновь, и на каждый назначили сотни тысячъ серебромъ. Есть еще замоскворѣцкая богатая купчиха, построившая нѣсколько монастырей. Она, говорятъ, юродивому Филиппушѣ выдала въ самое непродолжительное время до 50,000 р. сер. И какихъ только нѣть благо-

творителей на Русской землѣ? Есть, напримѣръ, въ городѣ чайный торговецъ, извѣстный подъ именемъ *милльшаго*. Онъ подаетъ нищимъ только тогда, когда въ лавкѣ у него есть покупателя. Другой купецъ подаетъ нищимъ все то, что нужно вывалить и выкинуть вонъ, напримѣръ, испорченные огурцы, капусту, тухлую рыбу и т. п. А то есть барыня, которая подаетъ нищимъ худые башмаки, распредѣляя пару башмаковъ на *трехъ* нищихъ, на томъ основаніи, что дѣлая такъ, все-таки она подаетъ *не одну*, а *троицѣ*. Есть и еще одна барыня. Сидитъ она лѣтомъ на террасѣ своей богатой дачи, идетъ нищей и просить у неї милости-ни. Барыня никогда не отказываетъ нищему. Она подзоветъ его къ себѣ, распросить всю его жизнь, спрявится—пить онъ водку или нетъ, прочтетъ ему поученіе, какъ надо въ мірѣ жить, и потомъ прикажетъ дѣвкѣ принести поминанье. Надѣнетъ она очки, возметъ поминанье и читаетъ, а нищему велить повторять за ней имена о здравіи и за упокой, и класть поклоны. Долго читаетъ она, потому что поминанье биткомъ набито именами, да и

читаетъ-то она со всемъ важностью, приличною ея сану, и ницій, надѣясь на выручку, терпѣливо отвѣтываетъ земные поклоны, возбуждая удивленіе всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ. По окончаніи этого чтенія, у нишаго рубашка мокра, и онъ ожидаетъ двуриеннаго, но барыня снова зоветъ девку, приказываетъ ей подать двѣ пустыя бутылки; и, отдавая ихъ нищему, говорить: спасибо, милой, что усердно молися,—и вогъ тебѣ за это двѣ бутылки; продай ихъ въ лавочку,—тамъ тебѣ дадутъ за нихъ три копѣйки серебромъ; денежъ же теперь нѣть, а приди въ другой разъ; Нѣкоторые нищіе до того бывають поражены такимъ даяніемъ, что у нихъ рука не поднимается взять бутылки: «Нѣть, ужъ, барыня, пускай уже лучше за тобой будетъ», говорятъ они; и барыня, услышавъ это, нисколько не обижается.—Ну, хорошо, миленькой, отвѣтаетъ она, прощай.

Таковъ, читатель, духъ, живущій въ древнерусскомъ обычай подавать милостыню. Предъ нами теперь лежитъ промѣдшая исторія русскаго нищенства, и мы знаемъ, что всякая по-

мощь нищимъ, если не имѣть соціального, братскаго характера,—она только плодить нищихъ и съ нищими унижаетъ все общество и производить самыя уродливыя явленія въ жизни. Съ одной стороны нищіе плодятъ нищихъ, а съ другой постоянно встречаются нищіе капиталисты, имѣющіе иногда у себя до 200,000 р. денегъ. Такъ, напримѣръ, однажды женился въ Петербургѣ на нищенкѣ съ Митрофановскаго кладбища, и взялъ за неї приданаго на 20,000 р. (Оберг. лист. 1860. 45). Нищенство вошло мало по малу въ нашу жизнь и продолжаетъ входить дальше и дальше, и стыдится нищенствовать только однажды честный русскій мужикъ, да и то въ Украинѣ. Въ городахъ, напротивъ, видимъ мы, что многія дѣти, собирающіе милостыню, совсѣмъ не дѣти нищихъ, но отцы посыпаютъ, чтобы они не болтались дома: не сидѣть же ребятамъ, сложа руки, говорятъ они; авось чтонибудь и выпросить Христовымъ именемъ; — для дома все-таки пригодится.

Толкуютъ, что Россія очень похожа на Америку, что ту и другую ожидаютъ новая жизнь,

неизвѣстнаа старому міру. Но на плечахъ Америки не лежитъ ни древней Руси, ни даже старой Европы, и дѣйствительно тамъ должна развиться новая цивилизаци. Не то у насъ. У насъ tempo и мрачно, тупо, безобразно. Мы считаемся просвѣщенными, наши барышни учатся по французки и на фортопіянахъ, но вотъ Шамиль, неимѣющій никакого понятія о милостынї, а имѣющій одно сердце, способное къ благотворенію, онъ дикарь, и все-таки чинакъ не можетъ понять, чтобъ человѣку можно было подать копейку, и подаетъ нищему по десяти рублей серебромъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

VI.

На нищихъ до сихъ поръ смотрятъ одни, какъ на предместье *самъ по себѣ незначительный*; другіе, какъ на лицъ, *приюсновленныхъ къ порѣ христіанской* (Снер. М. Поляц. Вѣд.); третыи же видятъ въ нихъ русскій народный элементъ.

Г. Снегиревъ, въ 1844 году писалъ: «въ сердцѣ Россіи, въ древней ея столицѣ, гдѣ слилось столько элементовъ русской народности, къ коей, безъ сомнѣнія, принадлежать и нищіе» (Литер. Вечеръ, стр. 18). Прошло болѣе десятка лѣтъ и тотъ-же г. Снегиревъ снова повторяетъ: «нищенство вступаетъ въ неразрывную связь съ религіозною и народною жизнью русскаго человѣка (Моск. нищіе въ XVII вѣкѣ, Моск. Пол. Вѣд.).

За безумцевъ сочли бы насть, еслибъ мы вадумали доказывать г. Снегиреву съ братію, что нищенство—совсѣмъ не элементъ русскаго народа. Читатель видѣлъ, откуда выходили нищіе, что плодило ихъ, какое начало ихъ поддерживало. Но мало было этому началу сдѣлать изъ свѣжей и просторной русской земли мрачное логовище нищихъ: ему, видите, нужно еще было доказать, что нищенство есть народный элементъ, т. е., сдѣлавъ народу зло, на его же шею сложить свою вину, благо народная шея крѣпка — все несетъ. Мы, въ отвѣтъ г. Снегиреву, постараемся указать только на то, какъ русскій народъ понимаетъ нищихъ. Какъ и во всей нашей статьѣ, такъ и теперь, пусть за насть говорятъ одни памятники.

Извѣстно, что нашъ добрый народъ готовъ подѣлиться съ нищими послѣдней крохою. Но ни врожденная народу доброта, ничто не удерживаетъ нашъ народъ отъ вражды къ попрошайству, къ нищенству. Нищихъ вездѣ гоняютъ, или кроткимъ образомъ, какъ напримѣръ: «Богъ подастъ!» или же: «ступай, ступай отсе-

лева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь! «Проваливай! говорить баба нищему, мнѣ не нужно твоей болтюни и ты ничего не получишь! Тоже говорить и мужикъ: «что слоняетесь то по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете! Привель парень на свѣтлой недѣли къ себѣ въ домъ сралнаго нищаго, чтобы разговѣться съ нимъ. Какъ только мать этого парня увидѣла нищаго, больно осерчала: «лучше говорить, со псомъ разговѣться, чѣмъ съ такимъ срамнымъ старикомъ». Пастыри Церкви, мы видѣли, часто жаловались на золодность народа къ нищимъ. Про убогаго, напримѣръ, говорятъ: не тотъ убогій, кто трошки мае (не много имѣеть), а тотъ, кто не ана: годі (довольно), та усе жаде (все жадничаетъ). Собираются разъ вѣшать старца, и говорятъ: «этихъ старцовъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только наровятъ въ клѣтъ забраться». Ницій, по глупому народному разуму, самый негодный человѣкъ. Въ Литвѣ говорятъ: развращенъ, распутенъ, какъ пищенскій бичъ. Бевиданная венецъ, чтобы крестьянинъ дѣльный,

заботливый, домовитый пустился въ нищество или въ далекое странничество на бого-молье (*Моск. Вѣд.* 1859 г. № 253). Что это правда, то можно видѣть изъ слѣдующей народной пословицы: *стыдно калекѣ въ міръ пуститься, а попустится не погинеть* (Бытъ русс. нар. П. Р. М. 1859. 16).

Итакъ, да будетъ извѣстно т... Снегиреву, что въ этой грубой и униженной средѣ, которую мы называемъ крестьянствомъ, хранятся всѣ силы и всѣ надежды будущаго Россіи, и что одна изъ этихъ великихъ силь, великихъ нашихъ надеждъ заключается въ отсутствіи въ русской природѣ малѣйшихъ побужденій къ «нищенству», къ ханжеству и къ другимъ болѣзнямъ положеніямъ, отъ которыхъ тщетно старается излечиться сама западная Европа, и что, наконецъ, наше будущее нисколько не будетъ похоже на наше прошедшее, которое только и выработало, что нищенство, и тому подобное.

О русскомъ народѣ ходить много дикихъ мнѣній; на него взведено много напраслины, въ которой опь неповиненъ, приписаны ему

качества, которыхъ онъ не имѣлъ честь заслужить. Надѣемся, когда нибудь поговорить и объ этомъ предметѣ. Всю же эту рѣчь мы вели къ тому, чтобы выставить яснѣе простую мысль: дайте поскорѣй просвѣщеніе русскому народу и нищенство сдѣляется преданіемъ. Если общество не воспитало въ себѣ уваженія къ человѣку и не считаетъ нужнымъ сдѣлать что нибудь съ нищими, то позабытесь, по крайней мѣрѣ, о будущемъ. У нищихъ толпы дѣтей; среди нищихъ живетъ множество дѣвочекъ: спасите хоть этихъ несчастныхъ! Или на это нѣтъ у васъ никакихъ средствъ? Отчего не отогнать отъ церковныхъ дверей дармоѣдовъ-нищихъ и не поставить на мѣсто нихъ честнаго, извѣстнаго въ приходѣ человѣка, съ тарелкой въ рукѣ, который бы просилъ: «для нищихъ дѣтей, Христа ради! Для воспитанія будущихъ поколѣній великаго русскаго народа, выростающаго въ нищенствѣ, Христа ради!»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

I. Появленіе нищихъ въ Европѣ. Нищіе въ Россіи. Сочиненія о нищенствѣ.	3
II. Нищіе пѣвцы. Ихъ народное значеніе. Народные пѣвцы у Кельтовъ, Скандинавовъ, у южныхъ Славянъ и въ Украинѣ. О народныхъ пѣвцахъ въ Сѣверной Россіи. Бѣлорусскіе воло-чобники. Нищіе слѣпцы. Калики перехожіе. Стихи каликъ. Сказки о нищихъ слѣпцахъ. Нищенство, какъ ступень народной чистоты	8
III. Нищій по древнѣ-русскимъ понятіямъ. Происхожденіе нищихъ. Разные роды нищихъ. Нищіе, какъ орудіе для спасенія. Смыслъ древнѣ-русскаго благочестія. Милостыня и совершенное	

отсутствіе милосердія. Нищіе богадъленные, кладбищенскіе, дворцовые, дворовые, натріаршіе, соборные, монастырскіе, церковные, гулящіе, леженки.	52
IV. Исторія нищенства въ Россіи. Княжеские нищіе. Благотворительность Царей и Цариць. Іоаннъ Грозный и Стоглавъ, неимѣвшій никакихъ послѣдствій. Нищіе до Петра. Петръ запрещаетъ нищихъ и милостыню. Мѣры правительства для искорененія нищенства. Они вызываютъ или оппозицію, или безучастіе. Монастыри, владѣющіе миллиономъ душъ. Нищіе послѣ 12-го года	71
V. О нищихъ въ настоящее время. Московскіе нищіе. Кладбищи, рынки, церкви, часовня Иверской иконы Божіей Матери, городъ, какъ мѣста нищенского премысла. Нищіе въ городскихъ рядахъ. Разные роды ихъ: нищіе скромные, мошенники, подъячіе, военные,	

духовные, толпы дѣтей, барыни, бабы, нищіе торговцы и промышленники. Общее понятіе о нищихъ. Съ увеличеніемъ нищенства уничтожается и общество. Кто у насъ благотворители? Купцы и купчихи, строящіе монастыри. Лже-благочестивыя барыни и Шамиль 93

VI. Заключеніе 131

100

2555 : 1.50

10

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

Geologic